

ЖУВН

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLIII

№ 16

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1912

Выданъ 21-го апрѣля 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда“ кн. 3.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

С. Соломко. Медвѣдь.

XXXI выставка картинъ «Императорскаго Общества Русскихъ Акварелистовъ».

Г о л у б и.

Семена Юшкевича

(Окончаніе).

Въ Дикарнѣ.

Проснулся я, лишь занялась заря. Я былъ мокръ отъ росы и первымъ дѣломъ позаботился о томъ, чтобы обсушиться. Я перешелъ на солнечную сторону, прилежъ, растянулъ крылья и сталъ обдумывать, что со мной произошло. Голодь томилъ меня, и потому мысли мои были мрачныя и выводы малоутѣшительныя. Неожиданно надо мной потемнѣло небо. Я испуганно поднялъ голову. Вверху, невысоко кружилась туча сизыхъ дикихъ голубей. Послышалась команда: „кру-у, спускайся!“ и вслѣдъ затѣмъ вся стая разомъ опустилась на крышу, гдѣ я сидѣлъ. Подойти къ нимъ я не рѣшался и потому ограничился тѣмъ, что сталъ за ними наблюдать.

— Кру-у, голуби и голубки, — донесся ко мнѣ сильный голосъ: — за полчаса до того, какъ вы собрались, мнѣ удалось разузнать, что на Большой дорогѣ лежитъ просыпанная въ большомъ количествѣ пшеница. Полагаю, что намъ не зачѣмъ долго мѣшкать. Отдохнемъ немного и отправимся въ путь. Насъ ждетъ обильная пища.

— Кру-у, кру-у, — одобрительно загудѣли дикіе голуби. — Проворная Муха никогда не теряетъ времени попустому. Выразимъ ему благодарность.

Сизые сомкнулись и хоромъ пріятно пропѣли:

— Благодарность отъ стаи Проворной Мухѣ.

Проворная Муха, маленькій голубь, чернопопый, черноносый, съ умными желтыми глазами, кивнулъ головой и поднялъ лапку, приглашая этимъ жестомъ стаю выслушать его.

— Очень тронуть, почтенные дикари, честью, которую вы мнѣ оказали, хотя я не заслужилъ ея. Полагаю однако, что мы хорошо сдѣлаемъ, если поспѣшимъ на Большую дорогу, такъ какъ дикари съ другой крыши могутъ опередить насъ, и тогда мой предразсвѣтный трудъ окажется бесполезнымъ для стаи.

Всѣ голуби въ одинъ мигъ приготовились къ отлету. Я рѣшилъ не терять больше ни одной минуты, торопливо поднялся и пошелъ къ нимъ. Остановившись вблизи, я поднялъ лапку и вѣжливо сказалъ:

— Кру-у, доброе утро, голуби и голубки! Я былъ невольнымъ свидѣтелемъ того, что говорилось здѣсь. Простите меня. Самъ я нахожусь въ крайне бѣдственномъ положеніи: я уже второй день, какъ не ѣлъ и не пилъ, и былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы мнѣ разрѣшили летѣть съ вами.

Увидѣвъ незнакомаго голубя, нѣкоторые изъ стаи подошли ко мнѣ. Я дружески заярилъ къ нимъ, они отвѣтили мнѣ тѣмъ же, и вскорѣ я былъ окруженъ стайей, засыпавшей меня вопросами. Проворная Муха поднялъ лапку, и всѣ тотчасъ замолчали.

— Пришелецъ, — съ важностью сказалъ онъ: — мы, дикари, никому не отказываемъ въ дружбѣ. Какъ свободные и вольные голуби, мы охотно принимаемъ всѣхъ въ свою среду. Разрѣшаю тебѣ летѣть съ нами.

Ободренный этимъ ласковымъ пріемомъ, я съ живостью отвѣтилъ:

— Благодарю тебя отъ всего сердца, Проворная Муха. Скажи мнѣ только еще, кто ты, кто эти голуби, и кому вы принадлежите?

— Вольные голуби никому не принадлежатъ, — гордо отвѣтилъ Проворная Муха. — Ни Охотникъ ни Человѣкъ не имѣютъ власти надъ нами. Наши отличительныя свойства: смѣлость, ловкость, выносливость, а главное — любовь къ свободѣ. Не разъ Человѣкъ дѣлалъ попытки приручить насъ, но всѣ усилія его разбивались о нашу стойкость. Зато Человѣкъ при всякой возможности свирѣпо мститъ намъ. Онъ охотится на насъ, онъ заманиваетъ насъ въ силки, онъ уноситъ насъ изъ нашихъ жилищъ-чердаковъ, безжалостно разлучаетъ насъ съ птенцами, торгуетъ нами и убиваетъ насъ. Съ Человѣкомъ мы всегда ведемъ войну.

— Голуби и голубки! — воскликнулъ я пораженный. — Не вы ли тѣ самые лѣсные голуби, о которыхъ намъ рассказывалъ Оловянный Ночникъ?

— Нѣтъ, мы не лѣсные, — отвѣтилъ кто-то изъ стаи: — мы сизые, потомки полевыхъ голубей.

— Кто это Оловянный Ночникъ? — спросилъ Проворная Муха.

— Оловянный Ночникъ, — съ гордостью сказала я: — одинъ изъ самыхъ близкихъ моихъ товарищей. Судьба его столь печальна, что я, какъ милости, прошу у васъ не разспрашивать о ней.

— Мы не насилуемъ ничьей воли, любезный пришелецъ, — отозвался голубь, котораго всѣ называли Змѣемъ. — Скажи намъ лишь, кто ты, и поспѣшимъ выбраться отсюда. Уже гаснетъ семицвѣтный гребень вокругъ солнца.

Пріемъ дикарей вскружилъ мнѣ голову. Услышавъ этотъ вопросъ, я съ важностью выступилъ впередъ, приготовившись къ отвѣту. Старая чванливость проснулась во мнѣ. Въ эту минуту я чувствовалъ себя неизмѣримо выше сизой стаи, съ ихъ черными когтями и желтыми глазами. Я могъ бы быть ихъ царемъ, я, Красноголовый, жемчужеглазый, бѣлоносый летунъ, отмѣченный печатью серебряныхъ колець. Мнѣ казалось, что одинъ видъ мой давалъ мнѣ право на первенство, что красота моей фигуры, гармоничность моей окраски, царственно волочащіяся крылья по землѣ должны были глубоко поразить ихъ воображеніе. Я забылъ о томъ, что лишь скромность и другія высокія качества одни даютъ на это право, а чванство, глупая гордость и хвастовство всегда будутъ вызывать отвращеніе въ самыхъ снисходительныхъ сердцахъ.

— Голуби и голубки, — началъ я. — Я — Красноголовый, происхожденія весьма знатнаго. Мой великій предокъ, Орелъ Бѣлый Голубь, никѣмъ непобѣдимый летунъ, былъ родоначальникомъ породы голубей, главныя вѣтви которыхъ носятъ названія: Красноголовыхъ, Вишневыхъ, Лысыхъ, Сѣдыхъ. Въ то время, какъ вы, сизые, ревниво охраняли свой внѣшній обликъ и окраску перьевъ, другіе ваши сородичи далеко отошли отъ первоначальнаго образа полевого сизаго голубя. Къ этимъ другимъ принадлежу и я. Они измѣнили окраску своихъ перьевъ, и всѣ семь цвѣтовъ въ разнообразнѣйшемъ сочетаніи были взяты ими, чтобы достойно украсить себя. Теперь сравните себя со мной. Я — длиннотѣлый голубь, а вы — короткотѣлые. Вы короткохвостые, у насъ хвосты длинные, разумно раздѣленные посрединѣ для удобства верта...

— Остановись, — вдругъ раздался возмущенный голосъ Змѣя. — Прерви свое презрѣнное хвастовство. Мы не для того задали вопросъ, чтобы выслушать отъ тебя, въ чемъ ты превосходишь насъ, и намъ нисколько не интересно знать, кто былъ твой предокъ, которымъ ты такъ кичишься. Отвѣть намъ прямо: случайно ли ты прибудилъ къ намъ и таишь въ душѣ намѣреніе вернуться опять къ Человѣку, или предпочитаешь остаться въ стаѣ вольныхъ охотниковъ-дикарей? Въ первомъ случаѣ мы накормимъ тебя, послѣ чего будешь свободенъ летѣть куда хочешь. Если же желаешь остаться съ нами, то постарайся выкинуть изъ головы свои бредни о предкахъ, о красивомъ опереніи и другихъ пустякахъ.

Стая одобрительными возгласами встрѣтила слова мудраго Змѣя, а я, пристыженный его справедливыми упреками, на этотъ разъ скромно сказалъ:

— Я хочу остаться съ вами, голуби и голубки, и простите мнѣ мои заносчивыя слова, которыхъ искренно стыжусь.

Раскаяніе вернуло мнѣ ихъ симпатіи. Голуби довѣрчиво окружили меня, и вскорѣ я перезнакомился со всѣми. Послѣ этого Проворная Муха, почесавшись лапкой, сказала:

— Теперь, пришелецъ, я покажу тебѣ нашихъ старѣйшихъ, которые отдали себя на служеніе всей стаѣ. Но раньше придумаю для тебя имя, такъ какъ твое: „Красноголовый“ — мнѣ не нравится. Въ виду того, что хвостъ у тебя отмѣнно краснаго цвѣта, то отнынѣ ты будешь называться Краснохвостымъ.

Стая громкими криками и щелканьем крыльев одобрила Проворную Муху. Когда наступила тишина, онъ продолжалъ:

— Итакъ, Краснохвостый, познакомься съ первымъ—нашимъ старѣйшимъ Змѣемъ. Змѣемъ онъ прозванъ нами за умѣнье мудро разрѣшать споръ между голубями, но и вообще Змѣи очень хитры, и самые трудные вопросы передаются ему на разрѣшеніе. Надѣюсь, Краснохвостый, что его совѣты и для тебя окажутся полезными.

— Кру-у, безъ всякаго сомнѣнія, — отвѣтилъ я и низко поклонился мудрому Змѣю. Затѣмъ я бросилъ взглядъ на подхлывшаго другого старѣйшаго, — Сизака въ чулочкахъ.

— Этого зовутъ Быстрокрылымъ, — сказалъ Проворная Муха. — Отличается онъ тѣмъ, что летаетъ съ быстротой молніи. Долженъ сказать тебѣ, что стая безъ такого гонца не могла бы существовать, и вотъ почему онъ у насъ въ большомъ почетѣ. Вотъ этаголубка—знаменитая самка, соблазнительница Соловей. Ея роль переманивать самцовъ со стороны. Слѣдующій голубь—Телѣжка; его назначеніе—ухаживать за больными голубями. А этотъ—Отецъ, роль котораго—выкармливать осиротѣвшихъ птенцовъ.

Старѣйшіе проходили мимо меня, я низко кланялся, и, когда окончилось представленіе, послѣдовалъ приказъ собраться въ путь. При этомъ окрикъ вся стая снялась съ крыши и полетѣла въ сторону, гдѣ взошло солнце. Впереди шель Проворная Муха, окруженный старѣйшими. Мы слѣдовали позади. Летѣли мы довольно долго. Навстрѣчу намъ попадались другія стаи дикарей, сновавшихъ въ воздухѣ по своимъ дѣламъ. Внизу мелькали зеленые, красные крыши, узенькія пустынные улицы, домовыя трубы, сады, и вся эта пестрота ласкала глаза своими красками и очертаніями. Наконецъ открылась какая-то длинная широкая улица. Проворная Муха скомандовала: „Спускайтесь, Большая дорога подъ нами“, сжалъ крылья и камнемъ упалъ на мостовую, гдѣ вилась длинной, желтой лентой разсыпанная кѣмъ-то пшеница. Стая тотчасъ разбрелась во все стороны и принялась быстро подбирать крупныя сухія зерна. Когда все мы насытились, стали совѣтоваться, что дѣлать съ остатками.

— Ну, конечно, оставить, бросить, — отозвался я.

— Краснохвостый, — строго сказалъ Проворная Муха:—ты новичокъ и о нашей жизни ничего не знаешь. Поэтому мнѣніе своего можешь высказать лишь тогда, когда тебя о немъ спросятъ.

Быстрокрылый и Змѣи подали голосъ за то, чтобы подобрать еще нѣсколько зеренъ и отнести ихъ больнымъ и старикамъ, которые остались дома. Такъ и сдѣлали. Послѣ этого все снялись и полетѣли обратно. Мнѣ было довольно тяжело поспѣвать за стаей, и я долженъ былъ признать, что дикари оказались гораздо болѣе выносливыми, чѣмъ я думалъ о нихъ. Они мчались очень быстро, точно стрѣлы, выпущенныя изъ лука, крылья ихъ ни на минуту не переставали работать. Такой полетъ ни съ какой стороны нельзя сравнить съ пріятной игрой на своемъ кругу, хотя бы игра эта и продолжалась нѣсколько часовъ. Съ трудомъ я добрался до знакомой крыши и, усталый, опустился, благодаря судьбу за то, что наконецъ окончилось путешествіе. Нѣсколько голубей осталось со мной, а вся стая пробралась черезъ оконце на чердакъ, вѣроятно, для того, чтобы накормить стариковъ и больныхъ. Растянувшись у трубы, я вдругъ почувствовалъ, что меня начинаетъ мучить жажда. Воды поблизости нигдѣ не было, — пришлось выждать возвращенія всей стаи. Черезъ нѣсколько времени у оконца показались голуби. Я подбѣжалъ къ Проворной Мухѣ и сталъ жаловаться ему на пережитыя мученія.

— Ты очень нетерпѣливъ, — съ неудовольствіемъ сказалъ онъ. — Мы все испытываемъ жажду, но слышалъ ли ты жалобу хоть отъ одного изъ насъ? Наша сила именно въ томъ, что мы умѣемъ сохранить спокойствіе и ясность духа при какихъ угодно неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Случается, мы остаемся безъ воды или корма по нѣскольку дней, иные умираютъ отъ истощенія, но все невзгоды переносятся нами безъ ропота. Боюсь, что ты своей невыдержкой можешь доставить намъ много хлопотъ. Поэтому изъ дружбы совѣтую тебѣ, Краснохвостый, прежде, чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, снова спросить себя, можешь ли ты остаться у насъ. Въ своемъ выборѣ ты совершенно свободенъ.

— Ты плохо меня понялъ, Проворная Муха, — устыдившись своей слабости, произнесъ я. — Я готовъ терпѣть сколько нужно, и больше ты отъ меня не услышишь ни одной жалобы.

— Тогда въ путь! — довольный своимъ отвѣтомъ, весело сказалъ онъ. — Пойдемъ, насъ ждутъ голуби.

Стая снялась съ крыши и поднялась довольно высоко. Проворная Муха, обладавшій хорошимъ зрѣніемъ, вскорѣ замѣтилъ узкую, отливавшуюся золотомъ, полоску воды и громкимъ „кру-у“ повѣдалъ о томъ товарищамъ. Мы все торопливо опустились на землю и припали жадно къ водѣ, протекавшей въ неглубокой канавкѣ. Змѣи, замѣтивъ, что я раньше всѣхъ очутился у воды, похвалили меня за ловкость и высказали мнѣніе, что изъ меня со временемъ выработается хорошій дикарь-охотникъ. Хотя непобѣдимому нѣкогда летуну такое мнѣніе не могло показаться особенно лестнымъ, но, наученный опытомъ, я своей мысли не высказалъ вслухъ, скромно вильнулъ хвостомъ и вмѣшался въ стаю. Къ своему ужасу, напившись, я опять почувствовалъ голодь. Не смѣя высказать этого громко, я рѣшилъ ждать, какъ поведутъ себя товарищи. Къ счастью, оказалось, что все были голодны. Тогда рѣшили послать Быстрокрылаго на Большую дорогу узнать, не осталась ли съ утра недоѣденная нами пшеница. Быстрокрылый кивнулъ головой, взмахнулъ крыльями и въ одну минуту скрылся изъ глазъ. Въ ожиданіи его возвращенія мы прилегли и задремали. Не спалъ только Проворная Муха, взявшій на себя обязанность сторожить насъ. Однако прошло не болѣе получаса, какъ вернулся Быстрокрылый и объявилъ, что отъ утреннихъ остатковъ не осталось и слѣда. Все голуби повѣсили носы. Надо было поискать въ другомъ мѣстѣ. Опять полетѣли. На Малой дорогѣ, гдѣ рѣшили-было спуститься, тоже ничего не нашлось для насъ. Снова снялись и полетѣли домой съ тѣмъ, чтобы покорчиться на своей улицѣ. Очутившись на мостовой, голуби разбрелись какъ кто хотѣлъ. Безпокоили насъ со всѣхъ сторонъ: лошади, люди, мальчишки, телѣги, всякіе шумы и стуки. Стая отлично справлялась съ каждымъ затрудненіемъ, и тутъ я въ первый разъ имѣлъ возможность убѣдиться въ превосходныхъ качествахъ этихъ, презираемыхъ всеми, дикарей. Подъ ногами у лошадей, подъ грохотъ колесъ, являясь приманкой для каждаго человека-мальчишки, они безстрашно выкорчевывали клювомъ какое-нибудь едва замѣтное зернышко изъ земли и медленно, не торопясь, отлетали лишь въ минуту уже висѣвшей надъ головой опасности. Я восхищался ихъ неустрашимостью и чувствовалъ, какъ, въ сущности, я жалокъ и беспомощенъ со всеми своими качествами по сравненіи съ ними. Вскорѣ мы перекочевали на другое мѣсто и снова отдались работѣ.

Вдругъ появилась откуда-то чужая стая сизыхъ и вступила съ нами въ драку. Дрались мы все превосходно, побѣда склонялась уже въ нашу сторону, какъ появилась третья стая и приняла сторону нашихъ враговъ. Я едва успѣлъ выбраться изъ чужой толпы голубей и присоединиться къ своимъ, полетѣвшимъ дальше. Голодь все еще не былъ утоленъ, мы уже начинали отчаиваться, какъ вдругъ Телѣжка вспомнилъ про зерновые амбары на Круглой площади. Мы поспѣшили туда, но не успѣли хорошенько утолить голодь, какъ начало темнѣть. Проворная Муха тревожно осмотрѣлся, быстро собралъ всѣхъ насъ и, приказавъ летѣть домой, первымъ поднялся въ воздухъ. Теперь послѣ голода меня опять мучила жажда, и я готовъ былъ проклясть себя. Долго я терпѣлъ, но наконецъ не выдержалъ, подлетѣлъ къ Змѣю и осторожно сказалъ:

— Кру-у, не правда ли, сегодня стая пить не будетъ? Вѣдь уже поздно, воды теперь не найти. Впрочемъ, мнѣ кажется, никто о питьѣ и не думаетъ.

— Все мѣ хочется пить, — холодно отозвался Змѣи:—но потерпѣть до утра. Тебя также, вѣроятно, мучитъ жажда?

— Нѣтъ, нисколько, — почти вскричалъ я:—ни пить, ни ѣсть, ничего не хочется, только спать.

Было уже темно, когда я проскользнулъ вмѣстѣ съ другими въ небольшое оконце чердака. Я ринулся куда-то наугадъ и, упавъ, ударился о мягкую, рыхлую землю. Густая теплота обняла меня. Я тутъ же прилегло, не пытаюсь разобраться, гдѣ нахожусь. Во всѣхъ углахъ ворковали мои товарищи, добравшіеся ощупью къ своимъ гнѣздамъ.

Проснулся я раньше всѣхъ, какъ только узенькая желто-розовая полоска свѣта заглянула на чердакъ. Я осторожно всталъ и, стараясь не разбудить спавшихъ товарищей, пошелъ бродить по огромному чердаку. Чердакъ этотъ отличался очень мало отъ

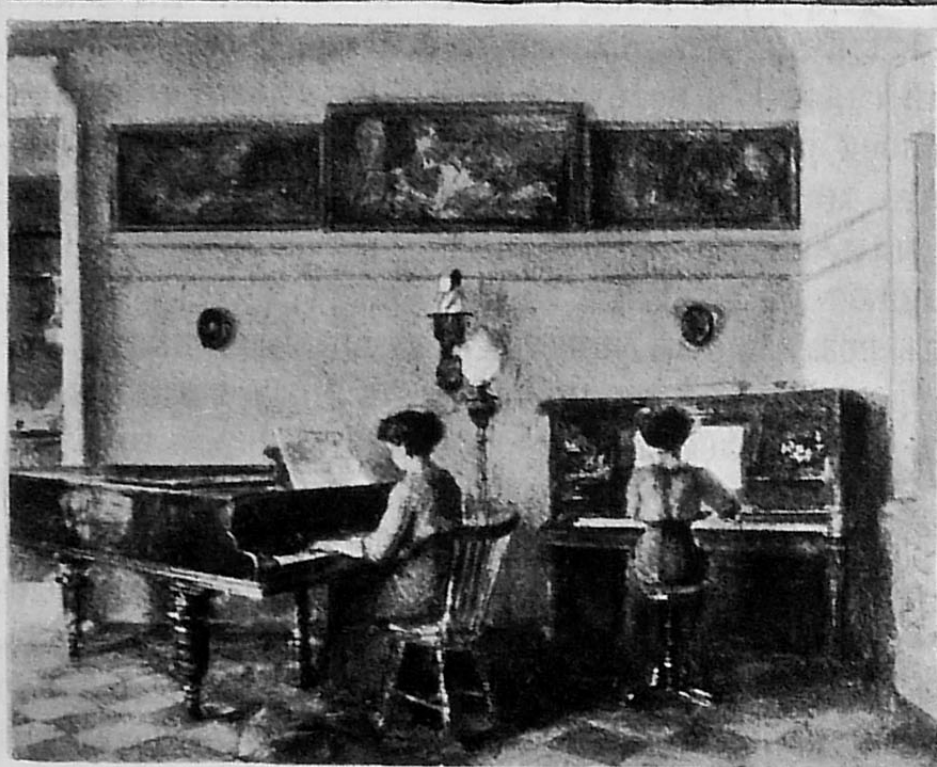
XXXI
 ВЫСТАВКА
 КАРТИНЪ
 ИМПАТЕРСКАГО
 общества
 РУССКИХЪ
 АБВАРЕЛИСТОВЪ

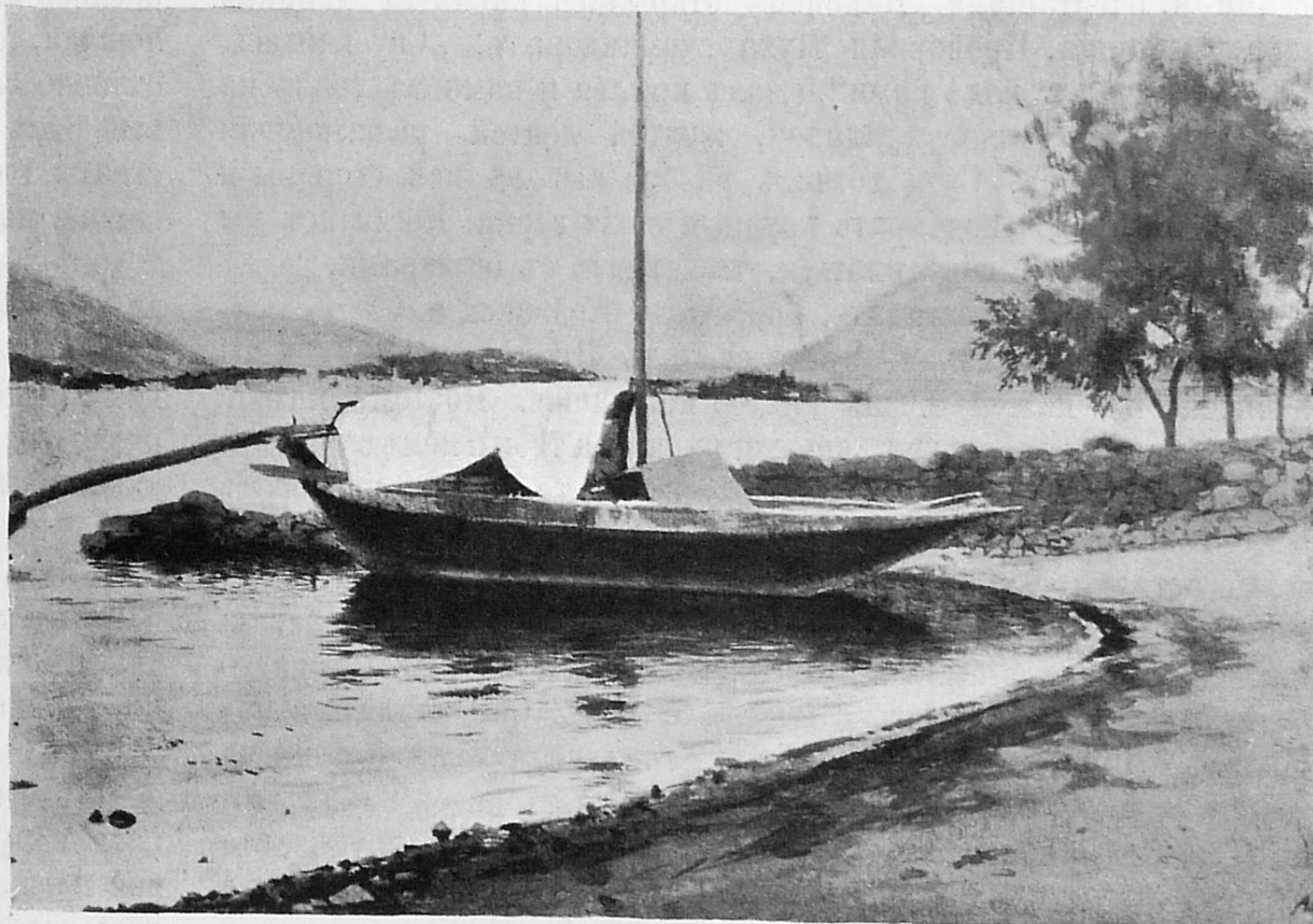
А. Степановъ.
 Дѣвушка съ письмомъ.

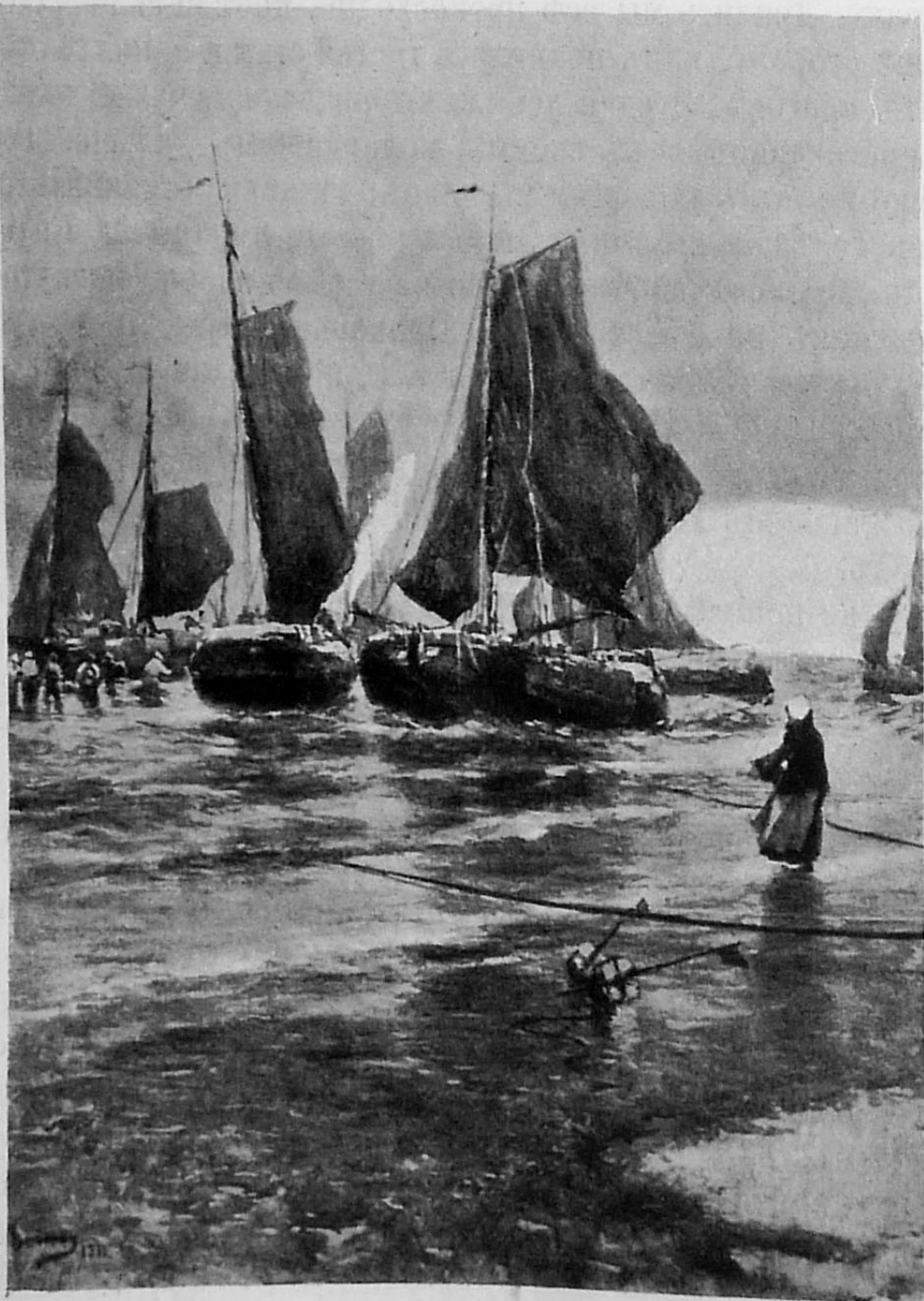
В. Плотниковъ. Въ кельѣ.

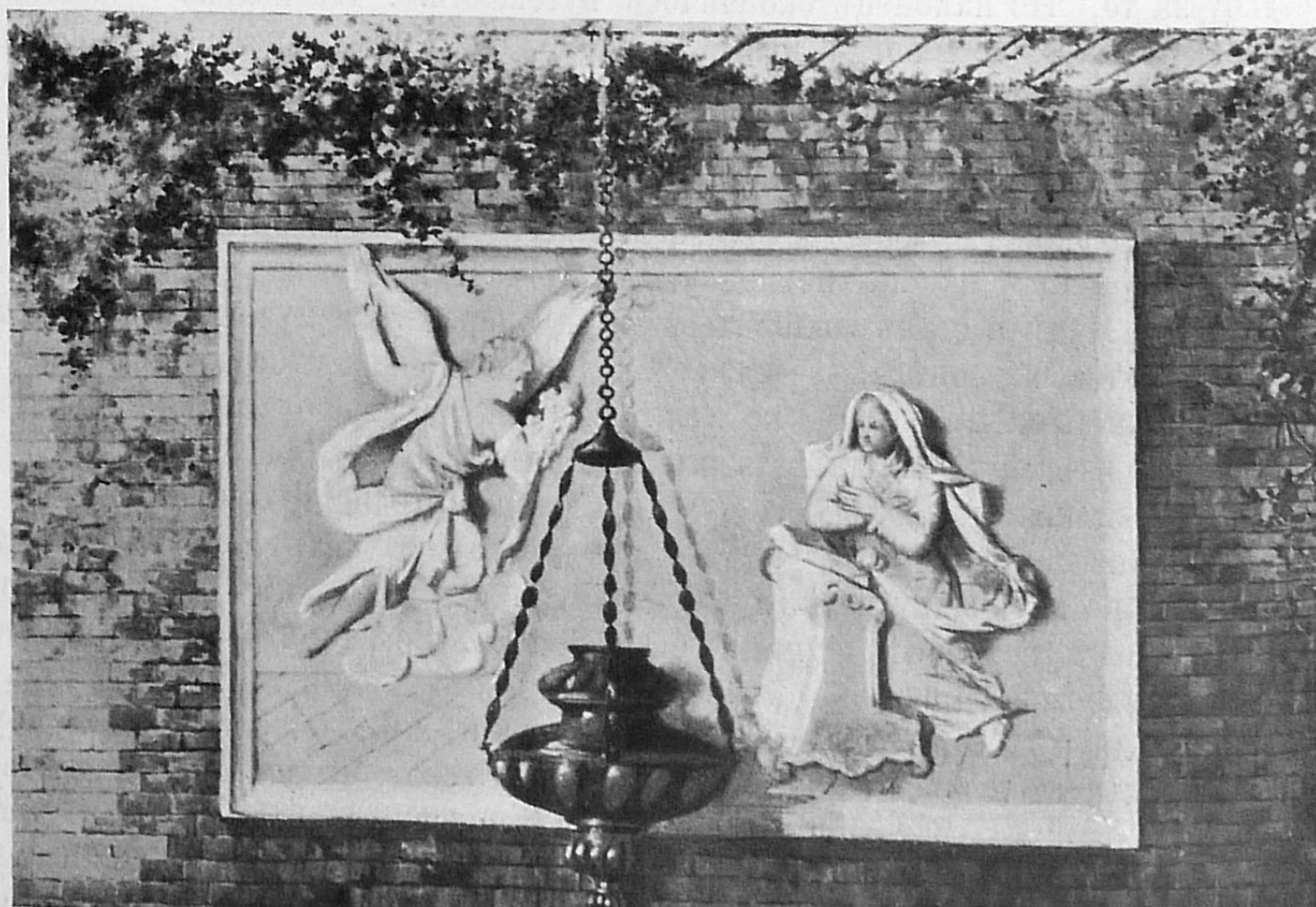
Е. Зарудная-Кавосъ. Interieur.

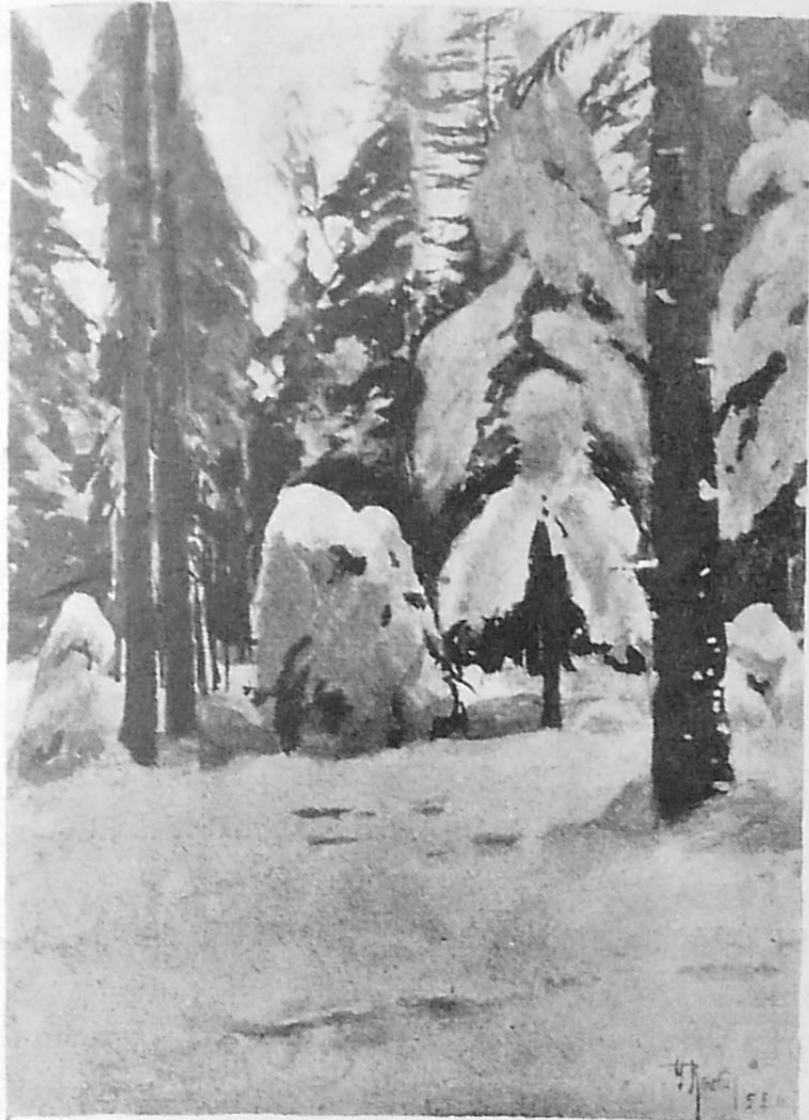
Альбертъ Бенуа. Барка на Лаго-Маджоре.

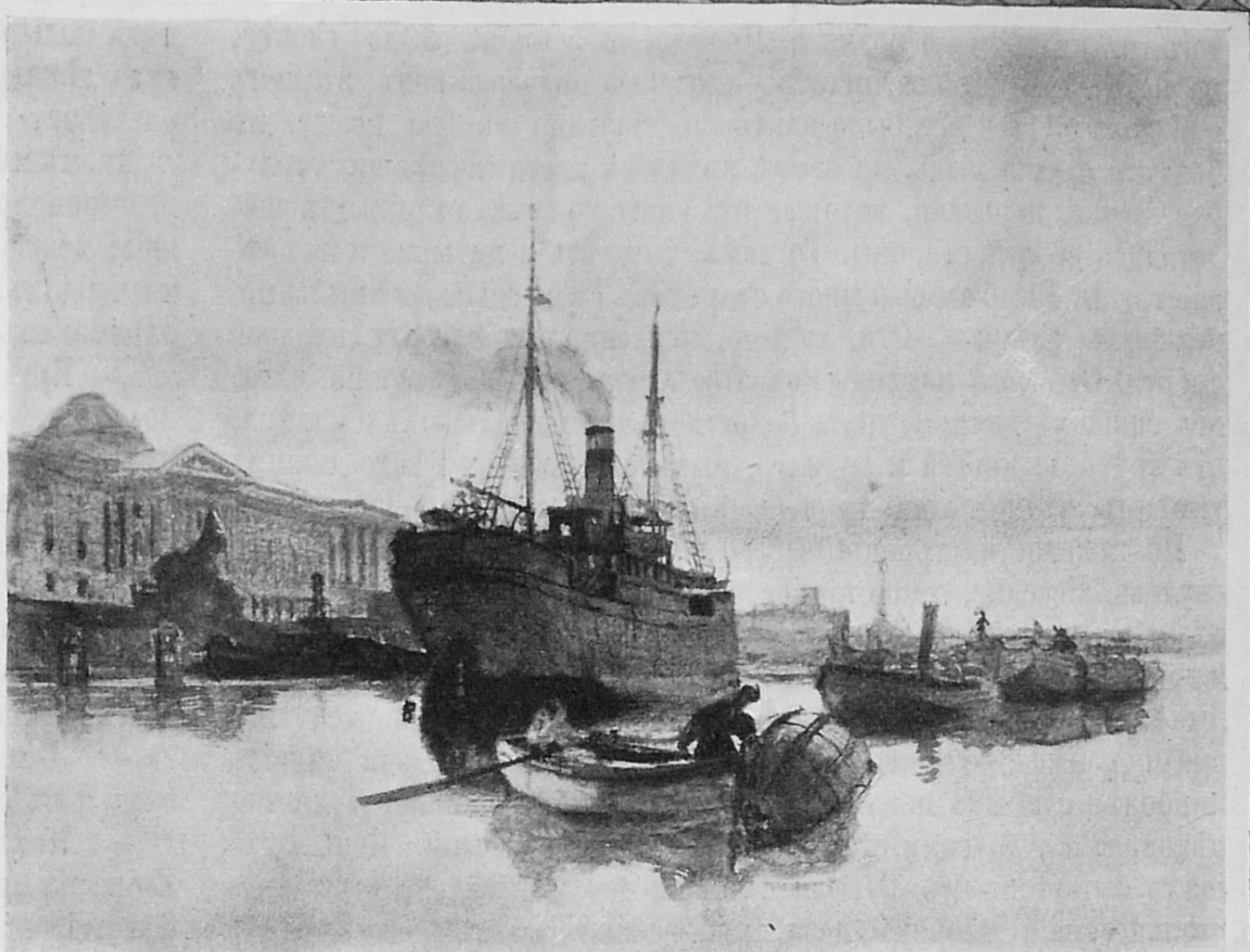
А. Чумаковъ. Отливъ. (Голландія).

Д. Бенкендорфъ. Барельефъ на стѣнѣ въ Венеціи.

Баронъ Г. Розенъ.
Зимній вечеръ.

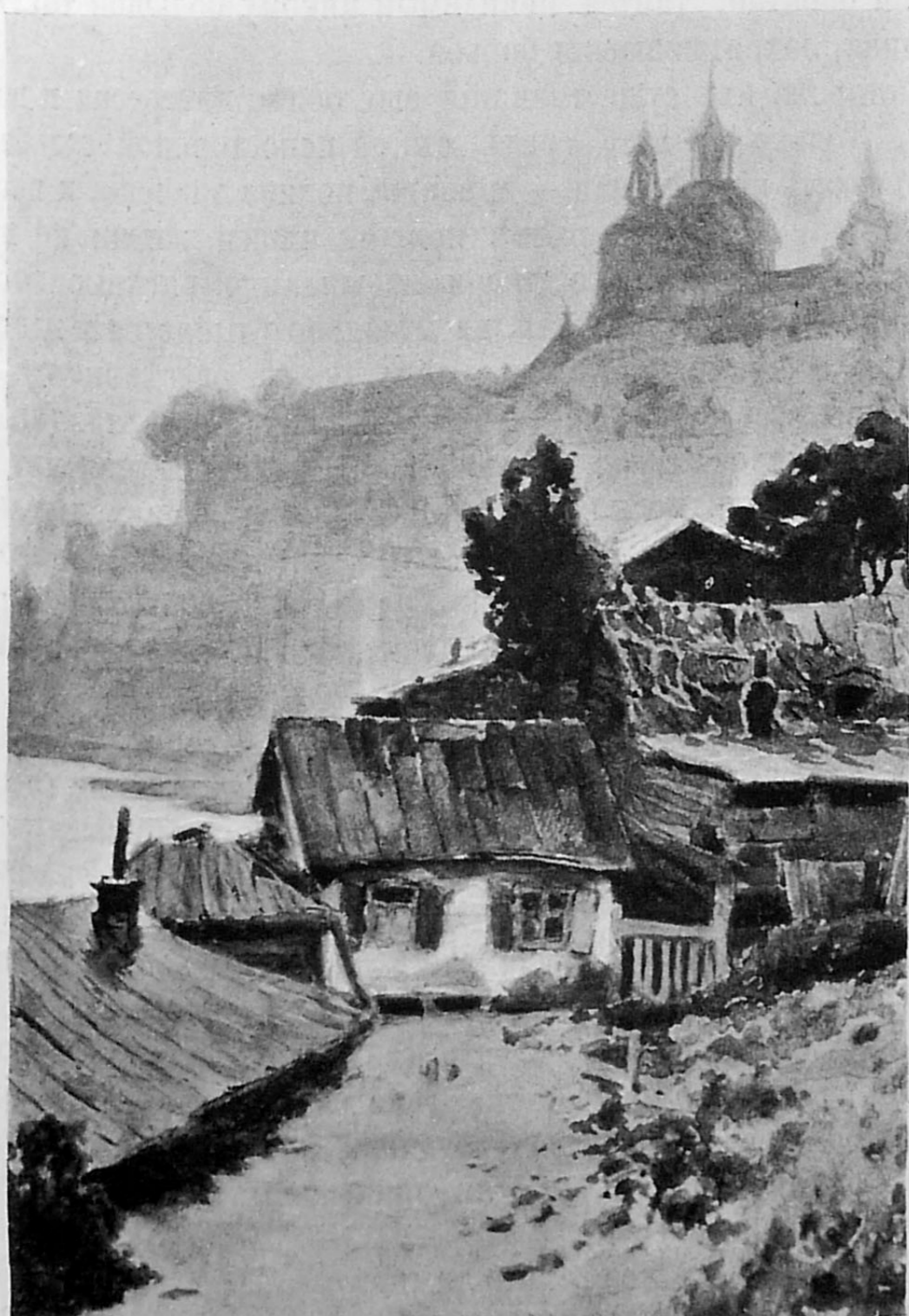
К. Гефтлеръ. Бѣлая ночь на Невѣ.

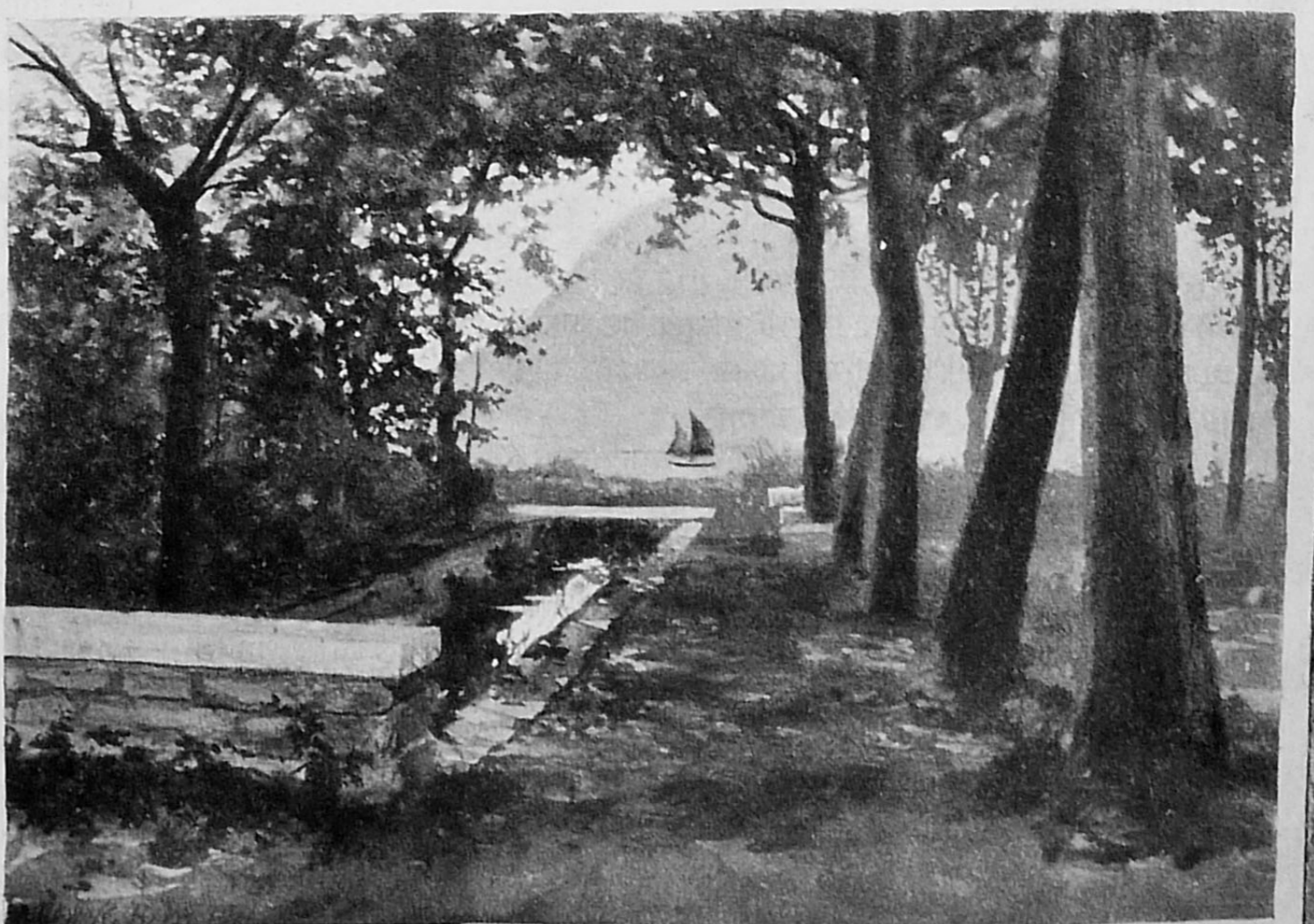
В. Овсянниковъ. Москва.

В. Зарубинъ.
Старая голубятня въ Нормандіи.

В. Фельдманъ.
У подножья Кармелитской цитадели въ Бердичевѣ.

Альбертъ Бенуа. Въ паркѣ Hôtel du lac въ Ривѣ.

того, въ которомъ я родился. Правда, въ нашемъ было тѣснѣе, но зато тамъ царилъ чистота,—хозяинъ поддерживалъ въ немъ порядокъ. Здѣсь все было запущено, паутина висѣла всюду, въ воздухѣ стояла пыль, на землѣ валялись кости истлѣвшихъ голубей, перья, перышки, которыя отъ каждаго взмаха крыльевъ разлетались во всѣ стороны. То тамъ, то здѣсь я наткался на свѣжіе трупы. Было здѣсь и много стариковъ съ высохшими крыльями, больныхъ, слѣпыхъ. Эти, видимо, медленно умирали отъ голодной смерти. Отъ всей картины въ этотъ сумеречный утренній часъ, отъ спящихъ дикарей и отъ бодрствовавшихъ больныхъ и калѣкъ, отъ труповъ, костей и мутнаго, пыльнаго воздуха вѣяло такимъ ужасомъ, что хотѣлось выскочить отсюда и улетѣть безъ оглядки.

Но тяжелое настроеніе быстро разсѣялось, когда голуби проснулись. Веселое, хлопотливое воркованье, шелканье крыльями въ одинъ мигъ прогнали мрачную тоску чердака. Пронесся потокъ живой жизни, и въ немъ потонули и мое недовольство и тяжелыя предчувствія. Голубь, по прозванію Отецъ, уже вертѣлся среди калѣкъ, о чемъ-то шептался съ ними; Телѣжка тащилъ наиболѣе слабыхъ погрѣться на солнышкѣ; Проворная Муха бесѣдовала съ другими старѣйшими о грядущей осени. День обѣщала быть теплымъ. Отсюда въ окошечко мнѣ виденъ былъ хрустально-синій клочокъ неба, пробѣгавшее дымчато-желтое облачко. Розовые лучи на солнечномъ пятнѣ, куда Телѣжка перенесъ немощныхъ стариковъ, дрожали, какъ струны. Я заглядѣлся на небо и незамѣтно задумался. Въ такія утра я когда-то носился вверху съ Небеснымъ, Сумасшедшимъ, Оловяннымъ Ночникомъ. Какъ хорошо леталъ Небесный! А чтѣ, бывало, продѣлывалъ Сумасшедшій! Влюбленный въ даль, неутомимый и ненасытный, безумно размахивая крыльями, онъ исчезалъ на глазахъ и—глядишь—уже возвращается съ другой стороны, стремительно пересѣкаетъ небо, и не знаешь, онъ ли это, кобчикъ ли появился, ласточка ли пронеслась, и снова нѣтъ его—пропалъ вдали. А Оловянный Ночникъ! А Бѣлый Вербицаго! А Лысый Вишневый! А вертуха Сорочка! Незабвенная осенняя солнечная утра! Чуть свѣтъ, Хозяинъ уже на ногахъ. Еще дремлешь въ гнѣздѣ, а уже гдѣ-то раздаются его знакомые шаги, его кашель. Вотъ онъ появился у голубятни, раскрылъ двери. Любилъ я внимательный, дружескій взглядъ его голубыхъ глазъ. Едва замѣтно топорщатся нависшія густыя брови, шевелится усь надъ мягкимъ ртомъ, чуть-чуть раздуваются его ноздри. Кажется, сейчасъ онъ скажетъ: „Доброе утро, милые голуби!“ Въ голубятню заглядываетъ солнце, льетъ свое тепло на насъ; воздухъ синій, мягкій. Ни вѣтерка. Мы слетаемъ на полъ, корытце уже полно корму, разгорается заря, розовыя дали таютъ на глазахъ, лиловѣютъ, сѣрѣютъ и вотъ уже стали желтоватыми, а тамъ закруглились и точно песчаной каймой замкнули горизонтъ. Влажныя красныя крыши блестятъ, какъ полированныя. Кругомъ четкія ясныя очертанія далекихъ домовъ, а небо синее, синее. Вотъ мы уже во дворѣ. Взвился бѣлый платочекъ въ знакомыхъ рукахъ, бросился къ намъ, задержался, ушелъ назадъ. Наши крылья шелкаютъ и несутъ насъ вверхъ, все выше, выше.

Возлѣ меня вдругъ раздался голосъ Проворной Мухи, и я очнулся.

— Къ зерновымъ складамъ!—скомандовалъ онъ.—Надо торопиться.

Вся стая быстро выбралась изъ чердака и полетѣла. У зерновыхъ складовъ мы раздѣлились и стали на глазахъ работавшихъ людей воровать пшеницу. Насъ отгоняли то палками, то крикомъ, и длилось это до тѣхъ поръ, пока ловко брошенный камень не свалилъ одного изъ стаи. Съ крикомъ „кру-у“ мы снялись и улетѣли, оставивъ на землѣ подбитаго товарища.

Быстрокрылый шель впереди, вся стая неслась за нимъ. Я поравнялся съ Змѣемъ и спросилъ:

— Кру-у, чтѣ же будетъ съ нашимъ товарищемъ?

— Кру-у, пропалъ,—со вздохомъ отвѣтилъ Змѣй.—Это часто бываетъ,—мрачно прибавилъ онъ.—Но чтѣ дѣлать? Такова жизнь вольныхъ охотниковъ.

— Все-таки товарища жаль,—робко сказалъ я.

— Чего тамъ жалѣть,—съ напускной безпечностью отвѣтилъ онъ.—Насъ много, всѣхъ не перебьютъ. Вотъ когда Ловецъ идетъ на насъ, тогда дѣйствительно становится плохо. Иной разъ всю стаю унесетъ въ своихъ мѣшкахъ. Былъ чердакъ съ голубями, и

нѣтъ больше голубей. А гдѣ они? Вотъ то-то, что неизвѣстно, куда дѣваются. Никто еще изъ рукъ Ловца не вернулся, чтобы рассказать.

Днемъ мы сидѣли на крышѣ и отдыхали отъ охоты. Неожиданно небо заволочило тучами, поднялся сильный вѣтеръ, и вскорѣ пошелъ дождь, надоедливый, длинный, осенній... Вся стая забралась на чердакъ, голуби разошлись по гнѣздамъ, нахохлились. Дождь барабанилъ по крышѣ, будто рассказывалъ что-то нехорошее.

— Кру-у, друзья мои,—предложилъ я:—не позволите ли мнѣ позабавить васъ рассказами изъ моей жизни?

Проворная Муха, лежавшій подлѣ своей голубки, которая очищала его ноздри отъ грязи своимъ тоненькимъ остренькимъ клювомъ, поднялъ голову и хмуро произнесъ:

— Краснохвостый, исторіи пріятно слушать весной, но не осенью. Теперь мы всѣ голодны, и до завтра никому изъ насъ не удастся покормиться. Развѣ ты не слышишь вздоховъ, которые здѣсь раздаются?

— Я хотѣлъ своими рассказами только ободрить стаю,—сказалъ я въ свое извиненіе.

— Никто не подозреваетъ тебя въ легкомысліи,—отозвался Быстрокрылый:—но ты еще новичокъ и не можешь понять, какія бѣдствія причинитъ намъ этотъ дождь. Онъ снесетъ всѣ зерна съ земли и погонитъ ихъ далеко отъ насъ. Мы будемъ голодать.

— Я не уйду отъ васъ,—сказалъ я, огорченный:—буду дѣлать съ вами всѣ невзгоды.

— Кру-у, я не сомнѣваюсь въ этомъ, Краснохвостый,—отозвался Проворная Муха съ волненіемъ.—Ты—славный товарищъ... Думаю, что вся стая раздѣляетъ мое мнѣніе о тебѣ.

Дружеское воркованіе пронеслось во всѣхъ углахъ. А дождь все стучалъ о крышу холодными злыми ударами и какъ-будто говорилъ: „Я уношу ваши зерна далеко, далеко. Готовьтесь къ голоду“.

Дальнѣйшія приключенія Красноголового.

Сужденія о жизни дикарей въ средѣ породистыхъ голубей крайне поверхностны. Въ дѣйствительности нельзя представить себѣ ничего интереснѣе этой жизни. И чтѣ въ сравненіи съ нею наше прозябаніе въ роскошныхъ голубятняхъ, гдѣ всѣ желанія моментально исполняются, гдѣ никогда не приходится испытывать заботы и радости достиженія. Въ дикарнѣ жизнь кипитъ постоянно. За внѣшнимъ бездѣльемъ, безцѣльными перелетами съ крыши на землю и обратно, таится невидимый никому большой трудъ, лихорадочная, захватывающая борьба.

Другая сторона ихъ существованія еще болѣе интересна и поучительна. Только въ этой средѣ съ ея непостоянной судьбой можно наблюдать игру случая,—зрѣлище, полное значенія и прелести. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ красота нашей жизни не въ томъ, что закрытыя наглухо двери неожиданно раскрываются передъ нами? То дѣлаетъ случай, насмѣшливо улыбается и идетъ дальше. Или, что тьма, окружавшая насъ доселѣ, разсѣивается, и обрадованный взоръ уже предчувствуетъ шествіе свѣта тамъ, вдали? Или, что невозможное, загадочное, неожиданное становится возможнымъ? Мы ли посылаемъ солнце разсѣять мракъ, мы ли вставляемъ ключъ въ замкъ закрытыхъ дверей? Въ наивной гордости мы, породистые голуби, вѣримъ, что тайна тайнъ раскрыта намъ. Но случай, устроитель судебъ на землѣ, взглянувъ на насъ, насмѣшливо улыбается и идетъ дальше.

Мнѣ не было дано насладиться жизнью этихъ славныхъ, сильныхъ и мужественныхъ голубей. Я прожилъ у нихъ меньше года, женился, удостоился чести сдѣлаться старѣйшимъ, готовился уже вить первое гнѣздо, какъ вдругъ произошло слѣдующее. Въ одну темную ночь у входа нашего чердака послышался осторожный шорохъ. Всѣ голуби крѣпко спали послѣ дня непрерывнаго труда. Я лежалъ подлѣ своей скромной, незамѣтной въ стаѣ сизенькой голубки, очень далекой отъ того, чтѣ сейчасъ должно было произойти. Шорохъ тѣмъ временемъ сдѣлался явственнѣе. Чуткій Проворная Муха, всегда предостерегавшій насъ отъ опасностей и на ночь провѣрившій, открыты ли тайные выходы, проснулся первымъ и тихо произнесъ:

— Кру-у,—чтѣ означало: „кто тамъ?“

И тотчасъ ему отвѣтили испуганные голоса нѣкоторыхъ проснувшихся голубей:

— Кру-у, — кру-у, — что означало: „о ужас!“

— Кру-у, — испуганно прошептала Проворная Муха: — предчувствие мое оправдалось. Это онъ...

— Кто „онъ“? — спросили голуби.

— Кру-у, — онъ, Ловецъ дикарей. Скорѣе къ тайнымъ выходамъ.

Вдругъ раздался испуганный крикъ Быстрокрылаго:

— Кру-у, меня поймалъ кто-то! Товарищи спасайтесь!

Когда я проснулся, со всѣхъ сторонъ уже неслись отчаянные крики голубей, шелканье крыльевъ, шелестящій полетъ.

— Къ запаснымъ выходамъ, — командовалъ Проворная Муха. — Бросайтесь прямо на улицу, слѣдуйте за мной.

Перелетъ во тьмѣ, крики ужаса, мольбы пойманныхъ, бившихся въ рукахъ Ловца становились все громче, и все больше стало это походить на страшный кошмаръ, когда запасные выходы оказались закрытыми. Вооруженный фонарикомъ, ослѣпляя наши глаза призрачнымъ свѣтомъ, Ловецъ безжалостно разрушалъ всѣ гнѣзда и, не замѣчая, давилъ бросавшихся ему подъ ноги голубей. Такъ длилось много часовъ, и къ разсвѣту его работа была окончена. Всѣ мы были переловлены и размѣщены въ двухъ большихъ мѣшкахъ, которые онъ перевязалъ веревками, послѣ чего съ помощью людей насъ вынесли изъ чердака и свезли на птичій рынокъ.

Уже было совсѣмъ свѣтло, когда насъ изъ мѣшковъ перевели въ большую клѣтку. Ловецъ, получивъ деньги, ушелъ, человекъ же, купившій насъ, принялся сортировать новый товаръ. Насъ, голубей не сизой масти, онъ отдѣлилъ отъ дикарей и посадилъ отдѣльно. Къ моему удивленію, онъ обошелся съ нами очень любезно, насыпалъ корму, на который мы жадно набросились, забывъ про всѣ горести. Пока мы ѣли, торговецъ, въ свою очередь, времени не терялъ. Ему надо было успѣть приготовить битую птицу для продажи. Подойдя къ клѣткѣ съ дикарями, онъ вытащилъ изъ нея перваго попавшагося голубя, зажалъ крѣпко въ пальцахъ его клювъ, свободной же рукой повернулъ нѣсколько разъ тѣло несчастнаго. Дикарь даже не успѣлъ вскрикнуть, какъ быстро наступила смерть. Человекъ хладнокровно отложилъ его въ сторону и опять полѣзъ въ клѣтку. На этотъ разъ онъ вытащилъ Змѣя. Змѣй яростно забился и крикнулъ:

— Кру-у, друзья, прощайте! Теперь я знаю, что сдѣлалось съ нашими товарищами, унесенными прошлой осенью Ловцомъ.

Онъ не успѣлъ кончить, какъ былъ мертвъ. Его положили рядомъ съ убитымъ товарищемъ. Война продолжалась. Хладнокровно, будто онъ доставлялъ жертвамъ своимъ удовольствіе, человекъ, не спѣша, передавилъ всю стаю и тогда занялся развѣшиваніемъ труповъ.

Сердце мое окаменѣло. Сначала я еще могъ плакать. Когда же были пойманы моя сизенькая жена и общій другъ нашъ Проворная Муха, я отвернулся. Слезы мои изсыкли. Двухъязычій когда-то училъ меня примириться съ закономъ, по которому живое должно пожирать живое же, чтобы существовать. Но тотъ, кто имѣлъ однажды случай увидѣть дѣйствіе этого закона, какъ мнѣ привелось, никогда больше не примирится съ нимъ. Всѣмъ гнѣвомъ своимъ и негодованіемъ я отрицаю теперь этотъ законъ. Если живое должно питаться живымъ, то пусть лучше не существуетъ больше. Пусть опустѣетъ міръ, но не будетъ преступленія противъ жизни...

Я все еще былъ погруженъ въ свою печаль, когда человекъ наконецъ подошелъ и къ намъ. Осмотрѣвъ бѣгло, — было насъ въ клѣткѣ пять паръ. — онъ обратилъ почему-то вниманіе на дымчатаго темнаго, вынулъ его и посадилъ въ клѣтку, стоящую поодаль отъ нашей. Затѣмъ онъ вернулся и сталъ ловить меня. Я бросался изъ стороны въ сторону, не желая даться ему въ руки, кусалъ его пальцы, но въ концѣ концовъ былъ побѣжденъ. Поймавъ меня, онъ осмотрѣлъ мои кольца, покачалъ головой, проворчалъ что-то невнятное и быстро понесъ въ будку. Тамъ онъ подрѣзалъ мнѣ крыло и пустилъ въ клѣтку, гдѣ сидѣла пара голубей: одинъ — бѣлогорлый Краснопопый, съ небольшой лысинкой на лбу, а другой — длинный красноусый Гривунъ. Потомъ онъ бросилъ мнѣ пригоршню конопли и вышелъ изъ будки. Красноусый Гривунъ, проводивъ торговца глазами, обернулся въ мою сторону, кивнулъ головой и любезно сказалъ:

— Кру-у, Краснопопый, не хочешь ли познакомиться?

— Ничего другого не желаю, — отвѣтилъ я, подбирая коноплю.

— Ну, и отлично, — весело отозвался онъ. — Я самъ изъ такой-то голубятни... Пропалъ въ горѣ. Попался злему охотнику. Жилъ у него въ комнатѣ подъ кроватью, вывелъ ему двѣ пары дѣтей, какъ вдругъ онъ заболѣлъ и умеръ. Вдова его не любила голубей. Только и ждала его смерти. Позвала торговца съ Птичьего и продала насъ за безцѣнокъ. Вотъ моя исторія. А ты какъ сюда попалъ?

— Кру-у, моя исторія подлиннѣе, — отвѣтилъ я. — Но не въ этомъ дѣло. Меня гораздо больше интересуетъ, что съ нами будетъ, и долго ли намъ придется оставаться здѣсь?

— Не думаю, чтобы очень долго, — сказалъ Гривунъ. — Вѣроятно все, торговецъ въ воскресенье вынесетъ насъ на Охотницкую.

— Какъ это пріятно! — обрадовался я. — Не знаешь ли, что за голубь нашъ сосѣдь, — спросилъ я и учтиво повернулся къ Бѣлогорлому.

— Кру-у, — отозвался Бѣлогорлый: — я готовъ отвѣтить на всѣ вопросы, но хотѣлъ бы раньше знать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Я — Краснопопый, — съ невольной гордостью отвѣтилъ я: — потомокъ Орла Бѣлаго Голубя.

— Кру-у, — очень пріятно встрѣтиться съ родственникомъ, — съ важностью молвилъ Бѣлогорлый. — Не будешь ли добръ сказать мнѣ, кто былъ твоимъ отцомъ?

— Вишневы Лысый, — произнесъ я съ важностью.

— И я тоже потомокъ Орла Бѣлаго Голубя, сынъ Бѣлясаго Сѣдого. Очень пріятно, очень радъ. Не приходилось ли тебѣ когда-нибудь летать съ Сумасшедшимъ? Тройродный братъ мой. Вывелись въ одной голубятнѣ. Молодичкомъ онъ леталъ чудесно.

— Сумасшедшаго я знаю, мнѣ не разъ приходилось летать съ нимъ. А знавалъ ли ты Оловяннаго Ночника или Небеснаго или Бѣлаго Вербицкаго?

— О Небесномъ слышалъ, а о другихъ ничего не знаю. Знакомы ли тебѣ Красный Чабанъ или длинный Мраморный? Нѣтъ? У насъ въ голубятнѣ было много первоклассныхъ летуновъ, но съ Мраморнымъ никто не рѣшался вступить въ состязаніе. Сутки вылетывалъ голубь.

— Я бы поборолся съ твоимъ Мраморнымъ, — сказалъ я: — видѣлъ и сильнѣе голубей.

Въ это время въ будкѣ появились торговецъ съ купцомъ. Купецъ прямо подошелъ къ нашей клѣткѣ, поймалъ меня, расправилъ одно мое крыло, другое, пощупалъ кольца, издалъ одобрительный звукъ и коротко спросилъ:

— А-га-ва-ма! Сколько просите?

— Одну пятерочку, — утеревъ усы и скосивъ глаза, отвѣтилъ продавецъ.

— Дороговато, — отвѣтилъ купецъ,

— Мы товаръ свой знаемъ, — сказалъ торговецъ и бросилъ меня въ клѣтку. — Я за него двѣ тройки возьму. Вотъ только покажу его кому-нибудь на Охотницкой...

— Пятерку, — повторилъ купецъ, снова вздохнулъ и ушелъ ни съ чѣмъ.

Въ этотъ день меня много разъ беспокоили. Одинъ изъ охотниковъ согласился-было уже дать за меня двѣ тройки, но торговецъ только разсмѣялся и, играя глазами, спокойно выговорилъ:

— Красенькую....

Такъ длилось до воскресенья. Я за эти дни окрѣпъ, поправился и выглядѣлъ, какъ въ старое время. Въ воскресенье торговецъ понесъ меня на Охотницкую, и мнѣ снова привелось увидѣть этотъ прекрасный единственный рынокъ. Ничто не измѣнилось въ немъ, точно я вчера сидѣлъ здѣсь въ клѣткѣ, выглядывалъ на площадь и слушалъ разсказъ желтоглазого Пожарнаго. Гдѣ-то онъ теперь, милый голубь? Удалось ли ему вернуться домой, или его постигла судьба бѣднаго Сѣрки?

Охотники собирались медленно. Одинъ изъ нихъ узналъ меня и назвалъ. Вскорѣ клѣтка, въ которой я сидѣлъ, была окружена толпой. Говорили громко и вполголоса, мальчишки, отгнанные назадъ взрослыми, издали пожирали меня глазами. Радость моя была необычайна, и все кругомъ казалось прекраснымъ: и небо, и воздухъ, и сѣрые скучные дома вокругъ площади. Длинно заливались кенари вдали, свистали свири, и даже крикъ попугаевъ, дикій, смѣшной, радовалъ мой слухъ. Иногда мнѣ казалось, что

О. СЫЧКОВЪ. ЛѢТОМЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

XXXI выставка картинъ „Императорскаго Общества Русскихъ Акварелистовъ“.

я силу, что вотъ проснусь и снова найду себя въ огромномъ мрачномъ чердакѣ среди сизыхъ голубей. Все, что было прекраснаго въ той жизни, отодвинулось въ эту минуту назадъ, и вспомнились лишь осенніе дни, когда, по крыльямъ въ водѣ, бывало, вылавливаешь изъ холодной грязи гнилыя зерна.

Такъ сидѣлъ я взволнованный, какъ вдругъ къ клѣткѣ протиснулся неизвѣстный мнѣ Старый охотникъ и сказалъ голосомъ, привыкшимъ приказывать:

— А-га-ва-ма! Достань-ка голубка.

Продавецъ поймалъ меня. Старый охотникъ не спѣша сталъ осматривать мои крылья. Толпа почтительно стихла

— Онъ,—сказалъ тихимъ голосомъ Старый охотникъ и, обернувшись къ продавцу, громко спросилъ: — Сколько просишь за него?

— Красненькую, ваше благородіе, одну красненькую...

— Ну, ну,—проворчалъ Старый охотникъ.—Бери синенькую. Ну, съ рублемъ, ну, съ троечкой

— Не могу, ваше благородіе. Птица-то какая, сами посудите! Не повѣрите, а вѣдь онъ, подлець, въ дикарнѣ оказался. Я такъ и затрясся, какъ его увидѣлъ. Ну, думаю, никому его не купить у меня, какъ вамъ, ваше благородіе

Толпа охотниковъ насторожилась, и вздохъ пронесся по Охотничьей, когда старикъ полѣзъ въ карманъ за деньгами. Въ эту минуту кто-то растолкалъ толпу и, взглянувъ на меня, звонко крикнулъ:

— Я беру голубя!

— Голубь купленъ, — спокойно отозвался Старый охотникъ, кладя руку на клѣтку, гдѣ я сидѣлъ

— Деньги еще не уплачены,—вызвался кто-то изъ толпы.

— Вотъ онъ, деньги-то, — заволновался старикъ, бросивъ красненькую на клѣтку.—Мой голубь или нѣтъ?—обратился онъ къ толпѣ.

— Твой, твой,—раздались голоса.

— Плачѹ вдвое, — тѣмъ же звонкимъ голосомъ, задыхаясь, крикнулъ пришедшій охотникъ.

Я взглянулъ на него и обмеръ отъ волненія. Стоялъ Хозяинъ родной мнѣ голубятни и, размахивая руками, кричалъ:

— Даю вдвое, даю вдвое, голубь мой!

— Нѣтъ, не вашъ,—сердито отозвался старикъ, купившій меня.—Хозяинъ, бери красненькую!—обратился онъ съ приказаніемъ къ торговцу.

Торговецъ заколебался-было, жадность мелькнула въ его глазахъ.

— Плачѹ втрое, — запальчиво выговорилъ мой старый Хозяинъ.

— Голубь не продается...

Охотники заволновались. Густой толпой обступили они двухъ людей и съ замираніемъ слѣдили за ихъ борьбой.

— Плачу вчетверо, впятеро. Пятьдесятъ рублей, — глухимъ голосомъ сказалъ бывшій Хозяинъ

— Голубь не продается, — спокойно отвѣтилъ Старый охотникъ и, положивъ меня за пазуху, выбрался изъ толпы и повезъ къ себѣ.

Надъ головой моей снова собрались тучи. Я тщетно пытался представить себѣ, что ждетъ меня? Не все ли равно? Сердце мое въ ту минуту было разбито, и долго въ моихъ ушахъ раздавался звонкій голосъ моего бѣднаго стараго Хозяина.

Послѣднее слово.

— Голуби и голубки! Исторія моя пришла къ концу. Судьба наградила меня за всѣ лишеныя, которымъ я подвергся въ своихъ скитаніяхъ. И вотъ, осыпанный щедротами ея, я стою уже у той грани, за которой начинается милая старость. У старика-Охотника я прожилъ три года въ засадкѣ, послѣ чего мнѣ удалось бѣжать оттуда. Въ концѣ концовъ я вернулся въ старую голубятню. За эти четыре года, что я живу среди васъ, изъ всѣхъ дѣтей, которыхъ я вывелъ, уцѣлѣлъ лишь одинъ сынъ мой, Красноголовенькій, который унаслѣдовалъ всѣ мои качества. Жаловаться мнѣ не на что. Но вотъ мои послѣднія слова къ вамъ. Я былъ несомнѣнно счастливъ, слава всегда окружала меня, и вся жизнь моя, это—рядъ побѣдъ надъ лучшими летунами; и казалось бы, чего желать? Но иногда въ длинныя ночи мнѣ

случается вспомнить свою жизнь. Я осторожно оглядываюсь, не подслушиваетъ ли кто меня, и вздыхаю. Слава пріятна, побѣды пріятны, но вольная жизнь, друзья мои, все-таки выше всѣхъ другихъ благъ. О милые дикари, Проворная Муха, Быстрокрылый, мудрый Змѣй, добрый Телѣжка! въ лучшія минуты свои я съ грустью вспоминаю о васъ, вспоминаю славные дни, когда стаей мы летали надъ крышами, озабоченные, но бодрые, не зная, что ждетъ насъ впереди, и тогда я думаю про себя: „Тамъ съ вами было лучше“. Мнѣ не дано было освободиться, но я вѣрю въ нашу высокую породу, которая рано или поздно сброситъ съ себя цѣпи человѣка. Наступитъ время—и всѣ голуби, подобно Оловянному Ночнику, но болѣе удачливые, чѣмъ онъ, снимутся съ своихъ тюремъ-голубятень и полетятъ къ вѣчному лѣсу, къ братьямъ лѣснымъ голубьямъ... Чудеса, друзья, не позади, а впереди насъ..

Таковы были послѣднія слова Красноголового.

Конецъ Красноголового.

Стоялъ ясный солнечный осенній день. На большомъ дворѣ собралось нѣсколько охотниковъ. Между ними генералъ Боцкій, помѣщикъ Прохоровъ, красильщикъ Митька, каретникъ Иванъ Ивановичъ. Разговоръ шелъ о голубяхъ, и каждый изъ охотниковъ поочередно рассказывалъ радушному хозяину что-нибудь примѣчательное о своей охотѣ. Когда всѣ наговорились досыта, хозяинъ повелъ ихъ къ огромной двухъэтажной голубятнѣ, раскрылъ дверь и отступилъ, чтобы дать гостямъ возможность полюбоваться голубьями.

— А что это за голубка?—спросилъ генералъ Боцкій, ловко поймавъ какую-то Вишневенькую, опасно выглядывавшую изъ своего гнѣзда на охотниковъ.

— Это Митькина голубка, — отвѣтилъ Хозяинъ, указавъ на красильщика Митьку, слушавшаго съ серьезнымъ лицомъ.—Изь-подъ царскаго Вишневаго.

И тотчасъ рассказалъ подробно, какъ досталъ ее у Митьки и сколько заплатилъ за нее, и съ кѣмъ Вишневенькая спарована, показалъ ея голубя, длиннаго Вишневаго, и какихъ дѣтей она вывела.

Разохотившись, онъ попросилъ у гостей позволенія войти въ голубятню и, очутившись тамъ, сталъ ловить разныхъ голубей и, какъ это дѣлаютъ всѣ настоящіе добрые охотники, т.-е. немного привирая, началъ обстоятельно рассказывать все, что зналъ о каждомъ. Такъ, онъ показалъ нѣкоторыхъ Вишневыхъ, Бархатныхъ, Краснопоясыхъ, стараго Сѣдого, за котораго заплатилъ тридцать рублей, пятнадцатирублевую бѣлую серебристую голубку съ длиннымъ тонкимъ клювомъ, черными глазами и раздвоеннымъ хвостомъ и еще много другихъ отличныхъ голубей. Охотники слушали внимательно, и въ глазахъ ихъ, въ ихъ улыбкахъ можно было прочесть живѣйшее наслажденіе и легкую зависть. Голуби переходили изъ рукъ въ руки, возвращались Хозяину, который бережно усаживалъ ихъ въ гнѣзда. Когда все было осмотрѣно, помѣщикъ Прохоровъ вдругъ спросилъ:

— А гдѣ же самъ „знаменитый“?

— Да вотъ онъ,—усмѣхнувшись, отвѣтилъ Хозяинъ и указалъ на Красноголового, который давно уже оглядывалъ гостей.

Охотники подошли ближе и, узнавъ его, съ восхищеніемъ и наперебой стали говорить о его качествахъ.

— Замѣчательный голубь,—произнесъ генералъ Боцкій съ невольнымъ вздохомъ.

— Да, птица, — прибавилъ красильщикъ Митька. — Второй такой не сыщешь.

— Единственный голубь,—сказалъ помѣщикъ Прохоровъ.

— А есть ли у васъ что-нибудь изъ-подъ него?—спросилъ каретникъ Иванъ Ивановичъ.

— Немного,—отвѣтилъ Хозяинъ:—за четыре года одного голубенка вывелъ. Но ужъ голубенокъ. Настоящій батька. Вотъ посмотрите.

И онъ указалъ на другого голубя, Красноголовенькаго, поразительно похожаго на стараго Красноголового.

— Гоняете?—спросилъ кто-то изъ охотниковъ.

— Ну, конечно, и батьку и сына.

— Должно-быть, чудеса показываютъ, — съ оживленіемъ замѣтилъ генералъ Боцкій.

— Еще бы.

И Хозяинъ сталъ разсказывать про то, какъ летаютъ отецъ и сынъ. Когда онъ замолчалъ, охотники долго не нарушали молчанія. Наконецъ помѣщикъ Прохоровъ, раскуривъ потухавшую сигару, неуверенно спросилъ:

— Можетъ-быть, сгоните?

Охотники переглянулись. Хозяинъ медленно поднялъ голову, посмотрѣлъ на небо, на легкій бѣлесоватый туманъ, зажмурился отъ солнца, понюхалъ воздухъ, не пахнетъ ли дождемъ, и покачалъ головой. Ему и самому хотѣлось похвалиться охотой, Красноголовымъ, но какъ было рѣшиться? День, правда, чудесный, и молочный туманъ уже почти разсѣялся, а все же осень. Черезъ какой-нибудь часъ могутъ набѣжать тучки и разразиться дождемъ. Небо, что море, ненадежное.

— Боюсь чего-то, — неувереннымъ голосомъ сказалъ онъ. — и радъ бы вамъ, господа, доставить удовольствіе, а боюсь. У меня вѣдь голуби съ сентября въ засадѣ. Кромѣ того, ужъ кобчикъ объявился.

— Да день-то ужъ очень хорошій, — съ сожалѣніемъ сказалъ генералъ Боцкій. — Солнце. Небо чистое, какъ стекло.

— Сгоните, сгоните, — попросили все охотники разомъ.

Хозяинъ опять покачалъ головой. На лицѣ его отразилось колебаніе, потомъ махнулъ рукой и скрылся въ голубятнѣ. Скоро оттуда стали вылетать поодиночкѣ голуби. Порывисто пролетѣлъ и Красноголовый и уѣлся на голубятнѣ. Охотники отошли въ сторону. Появился Хозяинъ. Вскинувъ глаза на голубей, онъ досталъ изъ кармана платокъ, взмахнулъ имъ и тихо свистнулъ. Голуби полетѣли.

Въ это самое время старый бурый разбойникъ Кобчикъ повернулся въ своемъ гнѣздѣ и, толкнувъ жену — старуху-кобчиху, сказалъ:

— Кау-кау, солнце уже высоко. Встань и приведи гнѣздо въ порядокъ, а я вылечу на охоту. Хочу принести тебѣ сегодня знатную дичь.

— Кей-кей, можетъ-быть, Красноголового? — жадно спросила кобчиха, широко зѣвнувъ.

— А почему не его? — сердито отозвался Бурый и поточилъ свой крѣпкій черный клювъ о камень.

— Старъ ты сталъ, вотъ почему. Теперь тебѣ воробьевъ ловить, а не за Красноголовымъ гнаться. Гдѣ тебѣ справиться съ нимъ?

— А я его возьму. Дай только встрѣтить, — сердито проворчалъ Бурый. — Кау-кау! А я его возьму! Ужъ я его поймаю! Ужъ затрещать его косточки въ моихъ когтяхъ.

— Кей, поймай, — сверкнувъ глазами, сказала жадная кобчиха. — Давно уже я голубемъ не лакомилась.

— Да, — сказалъ Бурый, съ ожесточеніемъ почесавшись клювомъ подъ брюхомъ: — дѣло это надо хорошенько обдумать. У меня давно зубъ противъ Красноголового. Помню, разъ онъ изъ-подъ носа у меня голубя увелъ. А въ другой разъ нарочно далъ за собой гнаться и заморилъ. Кау-кау, сильный это голубь, что говорить. А я хоть и старъ, но хитеръ.

— Чѣмъ хвастаться, ты бы за дѣло взялся. Вотъ голуби уже летаютъ. Смотри, какъ разсыпались. Наостри-ка клювъ свой и когти.

И Бурый, наостривъ свой клювъ и когти, вылетѣлъ изъ гнѣзда, какъ молнія. Ринулся внизъ, описалъ дугу, поднялся вверхъ, распласталъ крылья и замеръ гдѣ-то вдаль, словно къ воздуху приросъ. И оттуда, незамѣтный, сталъ наблюдать за голубями.

Красноголовый шелъ стороной, какъ всегда. Освѣщенный солнцемъ, чуть склонивъ свою умную голову на бокъ, онъ мерцающимъ летомъ медленно винтомъ поднимался вверхъ. И, идя вверхъ, онъ радостно вздыхалъ, слѣдя за своимъ сыномъ, который не спѣша догонялъ его. Голуби разсыпались въ сини, какъ слитки золота, кто выше, кто ниже, и какъ бы образовали живой вѣнокъ вокругъ обоихъ Красноголовыхъ. Внизу восхищенные охотники, заслонившись руками отъ ослѣпительнаго солнца и задрвавъ головы, слѣдили за Красноголовымъ и громко выражали свой восторгъ.

Красноголовый, преслѣдуемый своимъ сыномъ, шелъ все выше, съ милымъ чувствомъ наблюдалъ за нимъ и думалъ о томъ, что пора уже ему, старику, уступить свою славу молодому и, не вступая въ состязаніе, сдаться и благословить новую силу. И только онъ хотѣлъ крикнуть: „Благословляю тебя, сынъ мой!“, какъ бурый разбойникъ, зорко слѣдившій за нимъ издалека, предательской молніей палъ на него неподвижнаго, чуть трепещущаго крыльями, упоеннаго радостью, и съ такой силой вонзилъ свои старые отточенные когти въ тѣло его, что хрустнули кости. Испуганные голуби бросились внизъ, охотники неистово засвистали, но было уже поздно: старый Бурый медленно уносилъ свою жертву.

— Кау-кау, — съ торжествомъ сказалъ Бурый, повернувшись къ Красноголовому: — наконецъ-то ты въ моихъ когтяхъ. Давно я добирался до тебя и вотъ взялъ.

Красноголовый не отвелъ своихъ глазъ отъ Бураго. Сердце его ровно билось, — смерть не пугала его. И печали онъ не чувствовалъ. Въ жизни имъ было все совершенно, землѣ онъ оставлялъ достойнаго сына, — о чемъ же жалѣть? Но мыслей своихъ онъ не открылъ Бурому и, отвернувшись отъ него, сталъ любоваться небомъ. Онъ кланялся ему и благодарилъ, нѣжно ворковалъ къ нему... Простился онъ и съ дальними золотистыми облаками, съ другомъ-солнцемъ и при этомъ думалъ, что славно прожилъ свою жизнь, и че о чемъ жалѣть. Потомъ бросилъ послѣдній взглядъ на крошечную голубятню и на охотниковъ, вздохнулъ, повернулся къ Бурому и просто сказалъ ему:

— Кру-у, теперь я твой, можешь взять мою жизнь.

Радостно крикнулъ Бурый: „кау-кау“ и, внявъ просьбѣ Красноголового, хорошо прицѣлился, размахнулся и сильнымъ ударомъ клюва раскрылъ ему голову.

— Кру-у, — беззвучно шепнулъ Красноголовый: — какъ хорошо!

Старая кобчиха, убравъ гнѣздо, съ нетерпѣніемъ выглядывала Бураго и, когда появилась на стѣнѣ его тѣнь, вышла къ нему навстрѣчу.

— Кау-кау, вотъ и я! — усталымъ голосомъ сказалъ Бурый. — Принимай дорогого гостя.

И бросилъ Красноголового въ гнѣздо. Но и мертвый Красноголовый былъ прекрасенъ и, лежа съ закрытыми глазами у ногъ кобчихи, какъ бы величаво ждалъ, чтобы хищники наконецъ растерзали его...

К О Н Е Ц Ъ .

Чей-то сонъ.

На поляны легъ озерами
Лунный свѣтъ.
Кто весь міръ объемлетъ взорами?
Кто влюбленъ?

Не придетъ? Придетъ къ влюбленному
Часъ-ствѣтъ?
Вотъ киваетъ вязу сонному
Красный клѣнъ.

Въ осень смотритъ домъ окошками
Безъ стекла.
Побѣждали тѣни кошками.
Вздохъ Луны.

Передъ домомъ дѣва мгlistая
Прилегла.
Страсть, прощай! Прощай, огнистая,
До весны.

Но влюбленный кто? Узнаю ли?
Шепчетъ: — «Нѣтъ.
Только нынѣ сны оттаяли.
Вотъ люблю.»

Осень. Чудо разрушенія.
Грѣзный свѣтъ.
Чьи же сказки вдохновенія
Я ловлю?

Иванъ Рукавишниковъ.

Сынъ Неба.

Разсказъ Д. Медынскаго.

(Окончаніе).

VII.

Проснувшись, Зелимъ удивился, что такъ крѣпко спалъ. Потомъ ему стало досадно, будто мимо него прошло незамѣченнымъ что-то такое, чего ни представить онъ самъ не могъ ни объяснить, и оттого это неизвѣстное показалось ему особенно важнымъ.

Первымъ звукомъ въ его головѣ въ это утро было имя Гюли. Сердце заняло, когда онъ въ мысляхъ назвалъ это имя.

Какъ онъ забылъ про нее?

Ночь не дала ему сновидѣній, въ которыхъ бы онъ видѣлъ Гюли или думалъ о ней. Сонъ послѣ безсонной тревожной ночи былъ такъ глубокъ и могучъ, что Зелиму, чтобы опять начать ясно думать и жить, захотѣлось пойти освѣжиться ледяной водой бурной рѣки, которая вѣчно бѣжала, какъ кровь изъ сердца, изъ снѣжныхъ горъ.

Кстати и идти-то къ рѣкѣ приходилось мимо сакли Гюли.

Когда юноша вышелъ изъ сакли, въ глаза ему ударилъ солнечный свѣтъ, такой яркій, что Зелимъ остановился, весь залитый огненной лаской, со слезами, полными радужныхъ солнечныхъ искръ, и былъ доволенъ, когда кто-то темной высокой фигурой загородилъ ему солнце.

Передъ Зелимомъ стоялъ глубокой старикъ Мустафа съ Алазани, сѣдой, какъ вершина Ацунты *).

Позади старика стоялъ его конь, красный отъ солнца и тощій, съ цѣлымъ заборомъ реберъ, но съ гривой и хвостомъ, какъ разметанное вѣтромъ пламя.

— Слава Аллаху! Славенъ Пророкъ его! Здравствуй, Зелимъ! Ты еще малый птенецъ, а выше поднялся, чѣмъ сильный орелъ, — произнесъ Мустафа и поклонился въ поясъ Зелиму, уронивъ хлопья сѣдой бороды. — Ты знаешь, Сынъ Неба, — лукаво шепнулъ онъ Зелиму: — съ чѣмъ я пришелъ?..

При этомъ старикъ сунулъ въ руку ему узелокъ, опутанный красною ленточкой. Зелимъ развернулъ, и лицо его вспыхнуло, какъ уголекъ, на который подули.

— Дѣвушка поджидала меня въ кустахъ, при подъемѣ, гдѣ стоятъ камни, какъ мертвые въ саванахъ, и упростила передать тебѣ это... Она сказала:

„— Сыну Неба жертвую сердце... У меня же останется жизнь, которая въ волѣ Аллаха... Любовь и голубку дѣлаетъ смѣлой...“ — Кто эта красавица? Чья? Такими словами она подкупила меня. Старого коршуна сдѣлала братомъ **).

Въ эту минуту вышла Фатъма съ ведромъ доить козъ. Зелимъ спряталъ узелокъ за бешметъ и шепнулъ Мустафѣ:

— Молчи! Я сейчасъ!

И, скользнувъ черезъ дворъ, мелькнулъ по арбѣ, по оградѣ, длинной, прозрачной тѣнью, чтобы ни съ кѣмъ не встрѣчаться, пошелъ напрямикъ и, по отвѣсной кручѣ прыгая съ камня на камень, спустился къ рѣкѣ.

Влажнымъ многоголосымъ шумомъ вдругъ охватило его глухое ущелье, по которому стлался, ровень съ рѣкой, ярко-зеленый коверъ. А по ковру отъ дальнихъ снѣговъ, спадавшихъ стрѣлами съ лиловой горы, катились сѣрыя, синія, свѣтло-зеленые волны съ бѣлыми искрами.

Зелимъ усѣлся на камнѣ, сбросивъ бешметъ съ одного плеча, и развернулъ узелокъ.

На двухъ гладкихъ дощечкахъ было написано:

„Солнце погаснетъ, и я не замѣчу, Зелимъ, если ты будешь возлѣ меня... Когда тебя нѣтъ, я не чувствую солнца даже въ юльскій полдень... Зелимъ! я хочу говорить о томъ, что мѣшаетъ мнѣ считать тебя Сыномъ Неба... чего не должны знать слѣпые, иначе они поступятъ съ тобой, какъ съ Пяри... Теперь объ этомъ читаетъ вѣтеръ, парящій надъ бездною... онъ сниметъ эти слова съ груди скалы своими стеклянными крыльями и унесетъ ихъ къ престолу Пророка... Спѣши ихъ прочесть и сотри, пока не узналъ онъ обмана“...

Солнце еще не успѣло достать лучами до глубины долины, гдѣ сидѣлъ Зелимъ, и загоравшіеся золотистымъ огнемъ верхніе склоны окрестныхъ горъ дѣлали эту глубину особенно холодной. Но юноша весь кипѣлъ кровью; въ первый моментъ, какъ только прочелъ письмо, хотѣлъ броситься въ звонкія волны, которыя кричали ему и звали его, ловя другъ дружку, играя брызгами, но раздумалъ.

Порывъ прошелъ, стертый кипучими, сверкающими мыслями, побѣжавшими, какъ волны рѣки.

„Гюли смѣется надо мной, — подумалъ Зелимъ: — смѣлая женщина! Совѣтъ не такая, какой была прежде. Пишетъ, какъ рубить... она одна изъ женщинъ въ аулѣ умѣетъ писать... я тоже одинъ изъ мужчинъ умѣю читать и писать... Что написала она на скалѣ?“

Не искупавшись, Зелимъ пошелъ отъ рѣки прямо домой. Въ раздумьѣ быстро скользнулъ, онъ не видѣлъ дороги, не замѣчалъ, какъ преклонялись передъ нимъ косматыя папахи встрѣчныхъ мужчинъ, и какъ провожали его долгими взглядами тихія дѣ-

вушки, пряча подъ бѣлой чадрой черное пламя широкихъ глазъ.

Онъ не услышалъ, какъ змѣйкой скользнула чей-то смѣхъ въ одной такой дѣвичьей группѣ. И голосъ, какъ шорохъ травы, прошепталъ:

— Она заколдуетъ его!

Зелимъ вздрогнулъ, очнулся и увидалъ саклю Гюли. Теперь онъ только замѣтилъ, что шелъ дорогой. Онъ заглянулъ черезъ низенькую ограду. Стояла арба. Подъ самымъ колесомъ копошились цыплята, какъ шерстяные шарики. Заботливое квохтанье звонко раздавалось въ пустынномъ дворѣ. Сакля зѣвала пастью открытой двери. Зелиму однако казалось, онъ чувствовалъ, что кто-то незримый за нимъ слѣдилъ. Пока онъ шелъ, этотъ взглядъ проникать ему въ мозгъ, и Зелимъ невольно оглядывался. Когда онъ вернулся домой и слушалъ разсказъ Мустафы о томъ, что жизнь въ Алазанской долинѣ богаче, привольнѣе, чѣмъ здѣсь, въ горахъ, гдѣ ранніе холода мѣшаютъ поспѣвать хлѣбу, и тогда та же незримая сила мѣшала ему, слѣдя за нимъ даже сквозь стѣны.

„Это—Гюли!“ — подумалъ Зелимъ, потому что ему показалось, что возлѣ него, даже въ немъ, въ груди, въ мозгу мелькаетъ пара зеленыхъ огней, какъ волчьи глаза въ темнотѣ.

VIII.

Какъ прошелъ этотъ день, Зелимъ потомъ бы не вспомнилъ, но тянулся онъ для него долго, мучительно и ненужно, какъ сѣтъ тумана надъ голой горой. И какъ только земля потускнѣла, закутавшись въ блѣдныя сумерки, изъ которыхъ поднялись видѣньями сѣрыя скалы, Зелимъ вышелъ украдкой изъ сакли, но на порогѣ наткнулся на мать.

— Куда ты? — спросила Фатъма съ такимъ испугомъ, что сынъ не нашелся отвѣтить. — Знаешь, Зелимъ... сердце мое сегодня, какъ небо, окутано тучами... палъ у меня лучший баранъ... былъ онъ здоровый и сильный, какъ туръ... Когда онъ блеялъ, горные духи любили играть его трепетнымъ голосомъ... Чей-то завистливый глазъ коснулся красавца, словно кинжалъ остреемъ. Стадо тоскуетъ... какъ бы другіе не начали падать...

Въ голосѣ матери дрогнули слезы, но Зелиму она показалась противной, навязчивой.

Низенькая фигура, закутанная въ шаль, показалась ему уродливой, и онъ готовъ былъ оттолкнуть старуху, какъ досадный камень, на который наткнулась нога.

— Мать, у насъ стадо большое, — глухо и грубо отвѣтилъ Зелимъ. И ушелъ.

Онъ шелъ быстрый, легкій и безучастный къ проснувшейся ночи. Село замолкло. Стихли за спиной у Зелима жалобный скрипъ запоздалой арбы, лай собаки и говоръ. Прямо въ лицо дышало поле зрѣющимъ хлѣбомъ, горы вѣяли прохладой, и шелъ на него шумъ рѣки. По бокамъ, словно въ вѣчномъ, напрасномъ желаньѣ, скалы вздымали костлявыя руки. Въ тишинѣ, окруженной далекими звуками, шелъ Зелимъ, думая только о томъ, скоро ли будетъ скала надъ обрывомъ.

Вотъ она... эта скала... съ плоскимъ, блѣднымъ лицомъ, повернутымъ къ пропасти. Въ камень вплелось корнями кудрявое дерево. Вѣтви его, словно пряди волосъ, спадали въ туманную бездну.

У Зелима въ ужасѣ двинулось сердце, когда онъ представилъ Гюли, сидящей на этихъ вѣтвяхъ. Душно стало ему. Небо, казалось, давило скалу тяжестью ризы, усѣянной звѣздами. Нѣсколько разъ Зелимъ прошелъ по скалѣ, кругомъ обошелъ ее, ища надпись, ложился на грудь, смотря въ глубину, и вдругъ, отыскавъ узкую щель—единственный выходъ на дерево, рѣшилъ заглянуть на гладкую стѣну скалы и схватился за каменный выступъ. Но снизу смотрѣла мутная глубь. Она шептала Зелиму влажнымъ и плещущимъ шорохомъ, дразнила подавленнымъ стономъ. Туманила голову жуткимъ желаньемъ сліянія.

Зелимъ тяжело покачнулся впередъ, выдавшись грудью, въ которой тѣснило дыханье. Но руки сами схватились, какъ вѣтки, цѣпкими пальцами за камень, мучительно острый.

Зелимъ понялъ лукавое вѣянье смерти и оттолкнулся назадъ отъ обрыва, стараясь увидеть надпись Гюли. Черныя буквы сливались полосками.

Въ этотъ моментъ онъ услышалъ гдѣ-то вблизи звукъ, который больно толкнулъ его въ сердце. Юноша всталъ и прислушался. Все, кромѣ гула рѣки, было мертвено.

Однако звукъ, который его испугалъ, остановился въ ухахъ и въ груди, какъ свѣжая рана.

— Крикъ или стонъ?

Зелимъ вспоминалъ, откуда пришелъ этотъ звукъ, и посмотрѣлъ на тропу, по которой спустился къ обрыву. Онъ безотчетно поднялся, пошелъ по этой дорогѣ. На каждомъ шагѣ останавливался и прислушивался. Но, кромѣ звона въ ухахъ и уходящаго гула рѣки, ничего больше не было слышно.

И вдругъ за что-то зацѣпилъ ногой, запутался, чуть не упалъ. Наклонился и поднялъ веревку.

Долго Зелимъ стоялъ съ веревкой въ рукѣ, смотрѣлъ на нее,

*) Гора въ Кистетин.

**) Братъ у горцевъ—любимый посредникъ.

как-будто въ ней, въ этой веревкѣ, таилась разгадка страннаго звука.

— Почему я не видѣлъ ея, когда шель по этой дорогѣ къ скалѣ? — спрашивалъ Зелимъ тишину поля.

А тишина въ отвѣтъ ему только запѣла въ ухахъ. Зелима вдругъ осѣнила мысль спуститься по веревкѣ на дерево.

„Такъ и Гюли спускалась... Иначе быть не могло“, — подумалъ Зелимъ и быстро пошелъ къ скалѣ надъ обрывомъ.

О страшномъ звукѣ онъ старался больше не думать.

Вернувшись на прежнее мѣсто, онъ крѣпко запуталъ веревку за корни дерева, опоясалъ себя мертвой петлей и спустился на вѣтку, гдѣ прошлою ночью сидѣла Гюли.

Буквы чернымъ узоромъ видѣлись на отвѣсной стѣнѣ огромнаго камня.

„Солнце знаетъ свое время, — шопотомъ читалъ юноша, какъ молитву. — Зори знаютъ, Зелимъ, свое мѣсто на небѣ! Аллахъ написалъ законъ. По кругу его движутся звѣзды... По волѣ его должны жить люди, чтобы быть вѣчными... Не дьяволъ хотѣлъ затмить солнце: зло и неправда хотѣли погасить свѣтъ неба, чтобы зажечь свой костеръ и въ смрадѣ его задушить непокорную жизнь, потому что она не мирится съ сѣтями чадры, какъ женщина. Ты защитилъ свѣтъ... Тебя назвали Сыномъ Неба эти слѣдые... Сами они задушили добро... Имя твое осквернили своимъ языкомъ... Меня и тебя раздѣляетъ, какъ пропасть, священная месть... Фатъма кричала передъ костромъ, протягивая къ пылавшей Пяри свои когти: „Дайте мнѣ раздавить змѣиные глаза колдуньи!“ За то, что твой отецъ увидѣлъ въ нихъ звѣзды. Я помню, какъ этотъ усмиренный барсъ подползъ къ постели матери и умолялъ ее о любви. Но тутъ Фатъма, какъ бѣшеная кошка, вцѣпилась ей въ лицо, а когда твой отецъ хотѣлъ отбросить жену, она перекусила ему горло, а сосѣдямъ кричала, что мужа загрызла колдунья въ порывѣ страсти... Къ несчастью, Пяри была великолѣпна, какъ пламя... И женщины повѣрили этому оговору... за ними мужчины... Фатъма первая бросила факель къ ногамъ Пяри, которую любили цвѣты и травы, плоды и корни, какъ свою душу... Тихія дѣти земли, они въ рукахъ Пяри были кинжаломъ, поражающимъ болѣзни... И Аллахъ, подарившій горамъ зеленыя звѣзды въ глазахъ Пяри, не захотѣлъ остановить убійцы... Но законъ мести онъ самъ написалъ рукою Пророка... Ты, Зелимъ, сынъ его, долженъ исполнить законъ. Священное ружье, которое спасло намъ солнце, должно спасти намъ правду... Какъ только у тебя не будетъ матери, ее замѣнитъ Гюли“.

Зелимъ поднялся съ дерева на обрывъ, какъ перышко, подброшенное бурей. Его удивило, что въ немъ больше не было страха, что онъ не слышалъ шума воды, и земля показалась ему далекой, какъ-будто онъ летѣлъ надъ ней. И только голова кружилась, какъ отъ угара...

IX.

Ноги его сами пошли прямо къ мечети, у которой онъ очутился такъ неожиданно быстро, что сразу не понялъ, что за колонна стоитъ передъ нимъ, стройная, бѣлая, какъ юная дѣвушка на молитвѣ. За ней сѣрѣлъ чуждый, далекий ауль, слѣдившій теперь за Зелимомъ немигающими глазами черныхъ оконъ. Дверь мечети съ аркой, похожей на кончикъ копья, показалась Зелиму устами Бога, замкнутыми на тяжелый замокъ, чтобы не сказать какой-то страшной правды, грозной, какъ громъ.

Зелимъ зналъ, что тамъ, въ холодной, каменной тишинѣ храма, висѣло его ружье у алтаря, на стѣнѣ, сверкая бѣлесоватымъ свѣтомъ, тоскуя въ невольномъ молчаньи, готовое каждый мигъ, по желанью Зелима, грянуть могучимъ огненнымъ звукомъ, отъ котораго просыпаются скалы и долго кричатъ, какъ живыя, такой удивительной музыкой отраженій... Чернаго глаза винтовки Зелима, уставленной въ небо, боялись, какъ смерти, гордые, смѣлые ястребы... Пуля никогда не измѣняла ровной полоскѣ стали...

Зелимъ растолкалъ соннаго, дряхлаго сторожа Аллахяра, у котораго были такія красныя вѣки, какъ-будто онъ, жмурясь, давить ими смородину. Старикъ по привычкѣ поклонился низкимъ и долгимъ поклономъ муллѣ Зелиму, но медлилъ отпереть ему ржавый тяжелый замокъ, не понимая, чего еще хочетъ Сынъ Неба.

А Зелимъ весь трепеталъ еще никогда неиспытаннымъ жуткимъ восторгомъ, какъ-будто въ немъ бушевало сильное пламя. Двери открыты. Зелимъ вошелъ въ храмъ, и ему въ лицо дохнуло привычной холодной плѣсенью. Подъ ногами покорно захлопали камни приглаголенныхъ плитъ, недовѣрчиво и съ досадой шурхнули коверъ... Привычнымъ движеніемъ джигитъ снялъ ружье со стѣны, и оно, какъ покорный ребенокъ, легло ему на руки милой, уютной тяжестью.

И вышли они снова друзьями — Зелимъ и ружье, оставивъ въ безмолвномъ недоумѣннѣ старую мечеть и Аллахяра.

X.

Зелимъ не видѣлъ, что, когда онъ шель къ скалѣ надъ обрывомъ, его провожала Гюли, сначала только глазами, прячась то за уголь сакли, то за кудрявую лицу, потомъ она побѣжала слѣ камняхъ, ныряя въ овраги, цѣпляясь за кустарникъ, который мѣшалъ ей итти, обжигая тѣло колючей болью. Жуткій страхъ, какъ бы Зелимъ не упалъ въ пропасть, толкалъ ее впередъ не-

удержимыми ударами крови. Она не упустила изъ виду его легкой фигуры, пока не услышала сзади шорохъ камней, которые обсыпались въ ущелье.

Дѣвушка остановилась, прислушалась. Мысль перегнуть Зелима, чтобы бросить ему на дорогу веревку, которой бы онъ догадался воспользоваться, куда-то пропала. Въ ухахъ Гюли стоялъ подозрительный шорохъ.

— Кто-то идетъ за мной... — сказала сердце больнымъ ударомъ, и кровь замутила голову, ноги оцѣпенѣли.

— Кто это? — вскрикнули губы сами собой.

Передъ Гюли стояла Фатъма, искривленная, тощая и лохматая.

Гюли бы не узнала ея въ темнотѣ, въ странномъ видѣ, если бы внутренніе глаза ея сердца не проникли въ темныя ямы остановившихся на ней глазъ старухи, черезъ которые, какъ изъ могильнаго мрака, смотрѣла смерть.

— Гдѣ Зелимъ? А? Говори, гдѣ Зелимъ? У тебя веревка въ рукахъ... ты хочешь задушить его, чтобы отомстить мнѣ за смерть матери! — прошипѣла Фатъма провалившимся ртомъ и прыгнула къ Гюли, протянувъ крючьями костлявые пальцы.

Дѣвушка отбросилась въ сторону, рванулась къ дорогѣ, по которой передъ тѣмъ прошелъ Зелимъ, но тутъ же упала. Когти старухи вцѣпились ей въ ногу, руки держали платье, которое, жутко скрипя, разрывалось... Гюли, что было силы, вскинулась, чтобы встать.

Но Фатъма, возбужденная страстью мщенья, съ злораднымъ стономъ поймала дѣвушку за руку. Свободной рукой Гюли, не зная, для чего, отбросила веревку на дорогу, какъ-будто посылая сказать Зелиму о страшной минутѣ, просить о помощи. Гюли потеряла моментъ, когда она могла сбросить старуху въ кручу, и теперь, какъ змѣя, схваченная наскочившей насѣдкой, старалась бороться съ опасностью, чѣмъ могла.

Старуха навалилась на дѣвушку. Гюли кусала ее, царапала, грызла у нея пыльный платокъ, задыхалась... И вдругъ открытый ротъ не закрылся, горло сдушили жесткіе острые спазмы, въ глазахъ разлилось кровью море... и въ немъ погасло сознание...

Фатъма потащила трупъ дѣвушки внизъ по камнямъ, протолкнула его сквозь кустарникъ въ оврагъ. Посмотрѣла, какъ неохотно скатывался онъ, отбрасывая руки и чѣмъ-то ухаю. Когда въ оврагѣ стихло, она побѣжала домой. Она не зажгла огня, не спала и, дрожа отъ страшнаго холода, ожидала, что скажетъ ей день о Зелимѣ, о ней, о Фатъмѣ, о Гюли...

XI.

Первое мгновеніе она думала, что этотъ приговоръ завтрашняго дня будетъ для нея послѣднимъ звукомъ жизни... все будетъ кончено. Но приближеніе страшнаго дня не пугало Фатъму, какъ то, что неизбежно, и къ ужасу чего она привыкла... Дыханье этого страшнаго сковало душу старухи мертвеннымъ холодомъ. Слово рости на мертвой землѣ, пробилась мысли, расщемились на вѣточки, раздробились еще и еще и стали расти кудрявыми, вьющимися кустами. Но что-то давило сверху эти кусты, и они были низкорослы, ползли по землѣ, какъ тѣ на горахъ, въ оврагѣ, гдѣ теперь лежала Гюли.

Можетъ-быть, небо давило ихъ звѣздною тяжестью. Но кто-то, такой хитрый и опытный въ мести, прокрался въ темную душу Фатъмы и началъ неслышно учить старуху, что нужно дѣлать ей завтрашній день и потомъ, когда найдутъ тѣло Гюли пастухи.

По селенью подымутся крики, плачь и проклятья родни убитой. Трупъ принесутъ въ ауль...

„Скажу, что Аллахъ покаралъ злое отродье за то, что дочь сожженной колдуньи могла соблазнить Сына Неба. Вѣдь это всѣ знали... хотѣла украсть его сердце и продать злему духу и тѣмъ отомстить намъ за мать... И вотъ пророкъ спасъ Зелима“.

Глаза Фатъмы бросили черныя искры кривой, сатанинской улыбки.

„Да, да... если даже узнаютъ, что я...“

Что-то Фатъмѣ помѣшало закончить... Это былъ звукъ, умолкнувшій и теперь болѣзненно воскресшій въ памяти.

Фатъма забыла его. А теперь въ самый свѣтлый моментъ страшнаго ночи, когда кто-то умный и хитрый успокоилъ старуху, издалека, изъ оврага, съ тихимъ далекимъ гуломъ рѣки шель въ темнотѣ этотъ звукъ и всталъ у порога, такъ что, если бы Фатъма захотѣла убѣжать отъ него, она должна бы была пройти сквозь него, и онъ задушилъ бы ее... этотъ звукъ.

Фатъма остановила мысль, сдвинула сердце, замкнула дыханье и напряженно смотрѣла въ окно, сѣрое, въ черной стѣнѣ, какъ бѣлая дьявола, который теперь насмѣхался надъ нею... Старуха старалась услышать знакомые шорохи на дворѣ въ буйволятникѣ, но тотъ страшный звукъ поглощалъ тишину, становился яснымъ, отчетливѣй, будто вливался въ самое ухо. По лбу Фатъмы скользили, щекоча, червячки холоднаго пота.

Она ненавидѣла дочь рыжей вѣдьмы-знахарки, укравшей у нея сердце мужа, никогда не разговаривала съ Гюли, и предсмертнымъ стономъ ея, вышедшій съ послѣднимъ вздохомъ, былъ единственнымъ звукомъ, который услышала Фатъма отъ Гюли за всю жизнь.

Этотъ предсмертный стонъ остался послѣ Гюли, какъ душа. Фатъма всю жизнь будетъ слышать его!..

Онъ вдругъ напомнилъ ей голосъ мужа. — Она была его дочь! Скрипнула дверь, и старуха потеряла сознание...

Когда вошедшій Зелимъ засвѣтилъ огонь, онъ вскрикнулъ:

— Мать!

И почувствовалъ, что не можетъ сдвинуться съ мѣста. Ослабѣвшая сразу рука опустила винтовку на полъ съ тупымъ ударомъ.

Фатма сидѣла, скорчившись у тахты, на колѣняхъ... Запрокинувъ голову на подушки, она неподвижно смотрѣла въ потолокъ вытаращенными бѣлками. Одна ея рука вцѣпилась пальцами въ разорванную кофточку и обнажила смуглыя складки изношеннаго, дряблага тѣла...

ХІІ.

Въ эту ночь у Фатмы и Зелима пропало много баранты изъ сарая, который все время стоялъ открытымъ, тоскливо зѣвая сломанной дверью. Овцы долго толпились во дворѣ голодные, мѣшая коню рыть землю крѣпкимъ копытомъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи хозяина.

Фатма безтолково путалась по двору взадъ и впередъ между сараемъ и саклей, переносила съ мѣста на мѣсто пустое ведро и шептала, ударяя крючковой рукой въ обнаженную впалую грудь и ни на кого не глядя:

— Сынъ мой! Солнце опять погасло... приди, мое солнце! Высуши слезы, онѣ скопились вотъ здѣсь и душатъ меня... онѣ застыли, лежатъ не слезы, а камни въ груди... Говори, говори мнѣ, Зелимъ! Пой, моя радость! Заглуши этотъ стонъ... Я не хочу, чтобы пѣла Гюли, не хочу! Пѣсня ея изъ черной рѣки... Черная рѣка кровью бьется въ оврагъ... стонетъ, какъ дьяволъ, упавшій въ ущелье!

Но Зелима въ аулѣ не было.

Кистины собрались въ саклѣ Фатмы и неподвижно, съ тоской смотрѣли на разбитое дьяволомъ счастье пропавшаго гдѣ-то Зелима, на его безумную мать. Каждый не то боялся, не то считалъ себя безильнымъ облегчить чѣмъ-нибудь горе, определенное непонятнымъ и потому страшнымъ небомъ.

Пастухи, упираясь на длинныя палки, позабыли о стадѣ и по нѣскольку разъ рассказывали народу, какъ они видѣли молодого муллу на высокой скалѣ. Это было какъ разъ на разсвѣтѣ. Весь черный, съ ружьемъ, онъ показался на камнѣ... подымаясь все выше и выше, и скрылся въ облакѣ.

— Къ Пророку ушелъ...

— Горе намъ!

Закидывая на затылокъ папахи, люди вглядывались въ далекую высь, куда и туры не ходятъ. Туда пастухи указывали длинными палками.

А съ края аула, отъ сакли Гюли сюда доносился несмолкаемый вой плакальщицъ, прерываемый ихъ траурнымъ хохотомъ. Тамъ, гдѣ кончались плоскія земляныя крыши и низко упала послѣдняя каменная ограда, сидѣли черныя, какъ воронье, ихъ фигуры, мѣрно качаясь надъ трупомъ, завернутымъ въ бѣлое покрывало.

И надъ этой смертью, надъ этимъ безуміемъ, связанными одной страшной тайной, вставало спокойное, ясное солнце...

Русскіе трапперы въ Манчжуріи.

Очеркъ Н. А. Байкова.

(Окончаніе).

ІІІ.

Тихо было въ лѣсу. Солнце скрылось уже за шетинистой громадой высокой сопки, и въ глубокихъ падахъ легли густыя тѣни. Вдалекѣ на горизонтѣ синѣли, словно грозовыя тучи, темныя силуэты горнаго хребта Тачиндинза, освѣщенные красноватыми лучами заката.

Я стоялъ у опушки березоваго лѣса въ ожиданіи тяги вальдшнеповъ. Впереди желтѣла кочковатая поляна, мѣстами заросшая мелкимъ кустарникомъ. Невдалекѣ шумѣла и бурлила веселая Майхэ, прыгая и пѣнясь въ узкомъ каменистомъ ложѣ.

Быль апрѣль мѣсяць. Кое-гдѣ на солнопекахъ зеленѣла уже молодая сочная травка. Набухшія почки деревьевъ наполняли воздухъ своимъ прянымъ смолистымъ запахомъ, смѣшивавшимся съ запахомъ талой земли и гніющихъ растеній.

Грудь съ жадностью вдыхала этотъ бодрящій, свѣжій воздухъ. Весна вступила въ свои права, стряхнувъ съ оживающей земли долгій сонъ, навѣянный суровой волшебницей-зимой. Казалось, что лѣса, земля и даже дикія гранитныя горы усиленно дышатъ, вбирая въ себя теплоту и влагу, и новая жизнь зарождается гдѣ-то въ тайникахъ пробудившейся природы.

Многочисленные птичьи голоса, раздававшіеся вокругъ,—этотъ гимнъ любви, жизни и счастья,—смолкали; только за рѣкой неугомонный фазанъ громко кричалъ, хлопая своими крѣпкими крыльями, вызывая на бой соперниковъ.

Сумерки быстро наступали. Синее глубокое небо темнѣло все болѣе и болѣе.

Въ лѣсу погасъ послѣдній лучъ догорающей зари, и черныя длинныя тѣни легли между стволами стройныхъ бѣлыхъ березъ.

Отъ рѣки потянуло холодкомъ.

Голыя вершины тополей и прибрежныхъ кустовъ заколыхались и снова замерли, какъ бы прислушиваясь къ тишинѣ этой прекрасной весенней ночи.

Надъ рѣкою пронесся юркій бекасъ-барашекъ, и долго еще слышно было его характерное бляенье.

Темныя силуэты летучихъ мышей то показывались надъ вершиной высокой ели, одиноко стоящей у опушки лѣса, то мелькали надо мной, беззвучно и мягко махая своими крыльями.

Стало свѣжо. Я сѣлъ на стволъ березы, сваленной бурей, и завернулся въ бурку.

Издали доносился свистокъ паровоза,—это подходилъ товарный поѣздъ къ станціи Имяньпо; отсюда до нея было верстъ восемь.

Отдавшись всецѣло созерцанію, упоенный красотой весенней ночи, я прозѣвалъ перваго долгоносика, протянувшего надо мной. Его характерное хорканье раздавалось уже сзади меня, надъ лѣсомъ, и векоръ замерло. Я не жалѣлъ, и мнѣ не хотѣлось нарушить тишину грубымъ звукомъ выстрѣла.

Но вотъ опять показалась на фонѣ неба темная фигурка вальдшнепа. Я не выдержалъ, поднялъ ружье и выстрѣлил; птица свернулась комочкомъ и камнемъ полетѣла внизъ, глухо ударившись о землю.

Сухой звукъ выстрѣла нарушилъ тишину и безмятежное спокойствіе тайги; все вокругъ, казалось, замерло отъ неожиданности, чутко прислушиваясь; только рѣчка попрежнему шумѣла, и лѣсъ рокоталъ, какъ далекое море. Темнѣло. Въ небѣ зажглись кое-гдѣ блестящія звѣзды. Ночныя тѣни покрыли горы и лѣса, и скоро темная, безпросвѣтная ночь окутала уснувшую землю.

Въ прибрежной чащѣ глухо закричалъ козелъ, ему отозвался другой на ближайшей сопкѣ, и снова все стихло.

Тяга окончилась. Сидѣть надоѣло; я прилежъ на буркѣ въ ожиданіи своего компаніона, унтеръ-офицера пограничной стражи Соколовскаго, съ которымъ мы тогда охотились.

Козы раскричались за рѣчкой, имъ вторили совы въ глубинѣ тайги и быстроскрылые козодои.

Вскорѣ около меня показалась фигура Соколовскаго; подойдя вплотную, онъ проговорилъ:

— Слабо тянули нонеча! А вотъ дня три назадъ вальдшнепъ валомъ пѣръ; я взялъ тогда съ десятокъ и продалъ выгодно буфетчику экспресса.

— А много ты зарабатываешь охотой?—спросилъ я его послѣ минутнаго молчанія.

— Теперь нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—а вотъ раньше, въ военное время, когда мясо было дорого, зарабатывалъ порядочно. Случалось до ста до двухсотъ рублей въ мѣсяць выручать... Теперь время уже не то, да и звѣрь сталъ поумнѣе и боится человѣка. Бывало, въ день били по десяти, по двадцати козъ, по сотнѣ фазановъ! Вотъ какъ окончу службу—займусь здѣсь охотой; все же выгоднѣе, чѣмъ работать на заводѣ или фабрикѣ, получая до рубля поденно! Я уже и домишко себѣ присмотрѣлъ на Имяньпо. Обзаведусь всемъ по домашности и выпишу жену изъ Россіи... Я вѣдь семейный. Есть сынишка одинъ... Аposable, когда денежекъ подкормлю, займусь торговлишкой,—эта статья здѣсь самая подходящая...

Разговаривая, онъ курилъ папиросу-самокрутку, и при затяжкахъ лицо его освѣщалось, хищный ястребиный носъ и густыя нависшія брови рѣзко выдѣлялись въ темнотѣ.

— Чтой-то гураны раскричались!—проговорилъ онъ, сплевывая на сторону:—быть завтра вѣдру! А ночка хороша! Ужъ не заночевать ли намъ сегодня здѣсь?

Я согласился, и черезъ полчаса на берегу Майхэ запылалъ костерокъ, затрещалъ, и столбъ веселыхъ искръ закружился и завертѣлся, подымаясь вверхъ къ темнымъ вѣтвямъ могучей старой ели.

По обыкновенію, появился надъ огнемъ котелокъ, зашипѣлъ, забурлилъ, щекоча обоняніе ароматомъ настоящаго китайскаго чая!

Окончивъ чаепитіе, мы разлеглись на буркѣ и предались мечтамъ. Чего-чего не передумаешь въ такую пору! Мысль улетаетъ далеко-далеко за предѣлы дѣйствительности. Образы давно прошедшаго встаютъ передъ твоими духовными очами... Ты чувствуешь, что прежній реальный міръ отошелъ куда-то вдаль, и жизнь твоя со всеми ея радостями и огорченіями такъ ничтожна и мелка передъ величіемъ и непонятной глубиной вселенной!.. Такъ я мечталъ и философствовалъ, когда среди ночной тишины раздавался протяжный, заунывный крикъ болотной совы. Я сразу очнулся, подозрѣвая опасность, такъ какъ зналъ, что это—условный сигналъ хунхузовъ. Мы быстро схватили ружья и отползли въ сторону отъ костра, чтобы выйти изъ его предательскаго свѣта.

Тотъ же крикъ повторился опять, но уже ближе, гдѣ-то въ прибрежныхъ заросляхъ.

Соколовскій былъ мастеръ подражать крику животныхъ, и я посовѣтовалъ ему отвѣтить, что онъ не замедлитъ исполнить.

Послышался трескъ валежника, и чьи-то шаги приближались. Изъ темноты выплыла фигура человѣка и остановилась у нашего костра. Освѣщенная его красноватымъ пламенемъ, она казалась громадной на фонѣ черной пелены ночи.

— Ну, кто тутъ есть—выходи!—гаркнула фигура, сбрасывая на землю грузный большой мѣшокъ.

На опушкѣ лѣса опять прокричала сова, и вскорѣ мы были окружены толпой вооруженныхъ китайцевъ.

Темная высокая фигура оказалась русскимъ промышленникомъ Дорошинымъ.

Подойдя ко мнѣ, онъ протянулъ свою громадную руку, и мы поздоровались.

— Здравствуй, здравствуй, баринъ! — говорилъ онъ своимъ густымъ, низкимъ голосомъ, похожимъ на рычаніе звѣря. — Ты какъ сюда попалъ? Чтѣ здѣсь дѣлаешь? А я вотъ добылъ панты и иду на Имяньно ихъ продавать. Да вотъ по дорогѣ встрѣтилъ этихъ черномазыхъ чертей. Вы только не безпокойтесь, — хотя они и хунхузы, а васъ не тронуть... Эй! Тунъ-Санъ! — обратился онъ къ высокому корявому китайцу, стоявшему у костра и наблюдавшему нашу встрѣчу: — чега люди, — онъ указалъ на насъ: — мои шибко знакомые есть! Тунды — бутунды? (понимаешь или нѣтъ?).

Тунъ-Санъ, оказавшійся предводителемъ шайки, замоталъ головой, показалъ свой толстый съ большимъ ногтемъ палецъ, поднявъ его кверху, и проговорилъ: „Хо! Хо!“ Стоявшіе тутъ же остальные китайцы также повторили за своимъ вождемъ: „Хо! Хо!“

Теперь мы были въ полной безопасности. Разложили побольше костеръ и сами усѣлись возлѣ него вмѣстѣ съ Дорошинымъ. Китайцевъ было шестнадцать человекъ. Всѣ они были одѣты однообразно — въ синія куртки и шаровары. На головахъ красовались такія же чалмы; на груди крестъ-накрестъ надѣты были патронташи; у всѣхъ вооруженіе было одинакое: винтовки Маузера и наши трехлинейки пѣхотнаго образца; только у предводителя сбоку висѣли пистолетъ-ружьё Маузера и длинный кривой охотничій ножъ; одежда его отличалась болѣею чистотой и аккуратностью пригонки. Почти всѣ хунхузы отличались высокимъ ростомъ и здоровымъ видомъ; у многихъ въ глазахъ выпыхивалъ по временамъ какой-то особенный огонекъ, придававшій ихъ суровымъ лицамъ дикость и свирѣпость.

Тунъ-Санъ прилежъ у костра нашего на козью шкуру, принесенную однимъ изъ его подчиненныхъ. Онъ проговорилъ что-то, указывая рукою по сторонамъ. Хунхузъ почтительно выслушалъ его и исчезъ во мракѣ.

— Разставляютъ часовыхъ! — сказалъ Дорошинъ, набивая длинную китайскую трубку табакомъ: — боятся, — тутъ близко станція! Дѣйствительно, минутъ черезъ десять начали перекликаться въ отдаленіи болотныя совы.

Хунхузы разложили два костра невдалекѣ отъ насъ и кипятили въ жестяныхъ чайникахъ воду. Они всѣ поголовно курили свои длинные трубки, сосредоточенно глядя въ огонь. Не слышно было ни громкихъ разговоровъ, ни смѣха, ни шутокъ; тишина нарушалась только громкими возгласами Дорошина да шумомъ рѣчки.

Козлы перестали кричать, и вся природа какъ бы замерла.

Часы показывали половину двѣнадцатаго ночи. Соколовскій спалъ уже, свернувшись калачикомъ на моей буркѣ, и во снѣ обнялъ свое ружье.

Тунъ-Санъ, выпивъ предложеннаго ему Дорошинымъ чаю, сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, и молчалъ, изрѣдка сплевывая въ сторону; во рту его торчала неизмѣнная трубка съ каменнымъ мундштукомъ.

Лицо его, темно-бронзовое, покрытое глубокими шрамами отъ оспы, было неподвижно и безстрастно. Маленькіе черные глазки смотрѣли изъ-подъ нависшихъ надбровныхъ дугъ увѣренно и смѣло; массивный, тяжелый подбородокъ и сильная, крутая шея дополняли портретъ этого извѣстнаго предводителя хунхузовъ. Во всей его крупной фигурѣ и выраженіи лица видны были недюжинная натура, желѣзная сила воли и стойкій характеръ.

Онъ извѣстенъ между китайцами, какъ одинъ изъ покладастыхъ, незлобивыхъ вождей; мѣстные манчжуры отзываются о немъ хорошо. Впрочемъ, китайцевъ не поймешь сразу, говорятъ ли они правду, или нѣтъ, чистосердечны они или нѣтъ. Народъ этотъ въ высшей степени скрытный и лукавый, и довѣряться имъ рискованно. Вѣроломство и хитрость они считаютъ такими же добродѣтелями, какъ мы — правдивость и вѣрность.

Манчжуры, благодаря многовѣковому вліянію побѣжденныхъ, но болѣе культурныхъ китайцевъ, почти совершенно утратили свои національныя особенности какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней, духовной стороны, и теперь подчасъ бываетъ очень трудно отличить манчжура отъ китайца. Только въ глухихъ, далекихъ деревняхъ Гиринской провинціи различіе это замѣтно, но годъ отъ году манчжурская національность все болѣе и болѣе теряетъ свою самобытность, и въ концѣ концовъ китайское море совершенно поглотитъ высыхающее манчжурское озеро.

— Ну, какъ живешь, Дорошинъ, чтѣ подѣлываешь? — разспрашивалъ я сидѣвшаго рядомъ со мной охотника.

— Да ничего! Слава Богу! — отвѣтилъ онъ басомъ: — силенка еще есть, не вся еще въ водкѣ сторѣла! Зимой чуть-было не пропалъ. Дѣло было на масляну; вышелъ я пьяный отъ кумы, да и упалъ на улицѣ подъ заборомъ. Китайскій ханшъ, самъ знаешь, тяжелъ, — вотъ я подняться и не могу. Заснулъ. А морозъ былъ лютой ночью. Утромъ чуть свѣтъ товарищъ одинъ нашелъ меня и сволокъ за ноги къ кумѣ... Насилу отдышался... Думалъ, помру... И то, слава Богу, только три пальца на рукѣ отморозилъ! Видно, еще не пришло время сдыхать Дорошину! Еще потопчу

землю этими ногами! — показалъ онъ на свои большія ноги, обутыя въ кожаныя сандалии изъ кабаньей шкуры.

Чтобы дать читателю полное представленіе о типѣ описываемаго мною траппера, начну съ описанія его наружности, весьма замѣчательной.

Очень высокаго роста (2 арш. 12 вершк.), сухощавый, но широкій въ кости, онъ обладалъ громадной физической силой. Большая голова на длинной жилистой шеѣ, длинныя руки и ноги и громоподобный голосъ производили импонирующее впечатлѣніе на маленькихъ, тщедушныхъ старыхъ звѣролововъ, въ фанзахъ которыхъ онъ жилъ иногда подолгу. Бороду онъ брилъ обломкомъ перочиннаго ножа, носимаго всегда въ карманѣ кожаной куртки. Маленькіе усы и коротко остриженные волосы на головѣ имѣли цвѣтъ копченой кожи. Широкое скуластое лицо, посрединѣ котораго торчалъ большой горбатый носъ, было цвѣта неопредѣленнаго по той причинѣ, что воду и мыло оно видѣло рѣдко и весьма часто, если не постоянно, подвергалось различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ въ видѣ дыма отъ костра, копоти очаговъ китайскихъ фанзъ и разнообразнымъ рѣзкимъ переѣмамъ капризной манчжурской погоды. Небольшіе, но выразительные сѣрые глаза смотрѣли всегда задорно и даже вызывающе, въ гнѣвѣ же сверкали дико, какъ у волка. Повидимому, ему было около сорока лѣтъ.

По происхожденію онъ былъ изъ крестьянъ Забайкальской области и до поступленія на военную службу занимался хлѣбопашествомъ. Отбывъ срокъ дѣйствительной службы, онъ поступилъ въ охранную стражу на строящуюся желѣзную дорогу въ Манчжуріи и, по окончаніи японской войны, остался въ этой странѣ, увлекшись охотой и свободной, безпечной жизнью въ пустынныхъ лѣсахъ и горахъ ея. Отличный стрѣлокъ, смѣлый и отчаянный охотникъ, великолѣпный слѣдопытъ и знатокъ тайги, онъ много добывалъ звѣря и птицы, выручая хорошія деньги; но натура его, свободная и безшабашная, была причиной того, что Дорошинъ всегда сидѣлъ безъ денегъ, оборванный и грязный. Убивъ въ тайгѣ звѣря, онъ тащилъ на станцію его мясо или шкуру, продавалъ (обыкновенно за безцѣнокъ) и на вырученныя деньги пилъ съ товарищами и пріятелями горькую, пока не пропивалъ всего, включительно до винтовки. Попойки зачастую оканчивались скандалами и дракой, и Дорошинъ, пьяный мертвецки, безъ денегъ, безъ сапогъ, безъ шапки и подчасъ безъ необходимыхъ принадлежностей костюма, избитый, выбрасывался всею честною и теплою компаніею на улицу. Протрезвившись и придя въ себя, угрюмый и суровый, онъ обходилъ хорошихъ и менѣе хорошихъ своихъ знакомыхъ русскихъ и китайцевъ, бралъ, какъ милость, поношенную одежду; заходилъ къ знакомому лавочнику-армянину, забиралъ у него, конечно, въ кредитъ, необходимые продукты: хлѣбъ, сало, соль, перецъ, спички и табакъ и уходилъ опять въ тайгу, гдѣ пропадалъ иногда по мѣсяцамъ. Жилъ онъ тамъ, кочуя по фанзамъ манчжуръ-звѣролововъ; охотился и добывалъ пушнину, въ то же время помогая, чѣмъ могъ, своимъ желтолицымъ коллегамъ. Его любили китайцы и манчжуры и (странно!) уважали его, — можетъ-быть, за его физическія качества, можетъ-быть, за отсутствіе въ немъ племенной гордости, — не знаю, только Дорошинъ, или „Мауза-Дорошка“, какъ его называютъ здѣсь китайцы, является всегда дорогимъ и желаннымъ гостемъ въ глухой звѣровой фанзѣ отъ Сунгари до границъ Кореи. Одѣвался онъ во что придется: то увидишь на немъ китайскую курму и наколѣнники, то русскую поддевку и лакированные сапоги, то енотовую китайскую шапку съ наушниками, то щеголеватый суконный картузъ.

Съ хунхузами, какъ говорили, онъ жилъ дружно, т.-е. они его не трогали, такъ какъ съ него нечего было взять. Ходилъ онъ въ тайгу всегда одинъ и, какъ увѣряли китайцы, не боялся никого и ничего, даже самого чорта, котораго способенъ былъ схватить за рога.

Иногда онъ, въ порывѣ благихъ намѣреній, приносилъ мнѣ на сохраненіе деньги и просилъ не давать ихъ ему мѣсяца три, но, конечно, въ концѣ концовъ вскорѣ опять ихъ забиралъ и пропивалъ, говоря: „Все равно пропадать! Пить — умирать, и не пить — умирать! Лучше ужъ подохнуть пьянымъ!“

Помню, какъ-то онъ явился ко мнѣ за деньгами совершенно пьяный. Жена моя объявила ему, что меня дома нѣтъ; тогда онъ началъ шумѣть на кухнѣ, ругать прислугу и требовать во что бы то ни стало барина: „Подать сюда барина — и крышка!“ Жена моя не вытерпѣла и, несмотря на то, что до смерти боится пьяныхъ, попросила Дорошину не шумѣть и убираться вонъ. На пьянаго великана это такъ сильно подѣйствовало, что онъ упалъ на колѣни и сквозь пьяныя слезы началъ умолять о прощеніи.

На тигра, на медвѣдя ходитъ онъ одинъ; былъ онъ мятъ этими звѣрями не разъ, но отдѣлывался всегда однимъ незначительными царапинами.

Къ женщинамъ относится съ презрѣніемъ и считаетъ, что „баба“ — начало всякаго зла. Самъ холостъ и подтруниваетъ надъ женатыми.

Когда мы въ первый разъ познакомились, онъ пришелъ ко мнѣ на кухню и услышалъ оттуда голосъ жены моей.

— Это чтѣ такое? — съ испугомъ спросилъ онъ меня, указывая на дверь въ столовую, и, узнавъ, что это голосъ жены, круто повернулся, проговорилъ: — Эй! да у тебя баба! — махнулъ рукою и ушелъ.

Долго онъ не появлялся, но черезъ полгода пришелъ опять, и мы съ нимъ не разъ охотились потомъ вмѣстѣ.

Вотъ каковъ былъ этотъ Дорошинъ, съ которымъ мы такъ неожиданно встрѣтились теперь.

Онъ сидѣлъ у костра, подобралъ подъ себя свои большія ноги, и съ удовольствіемъ потягивалъ горячій чай изъ жестяной кружки.

Побывъ съ нами около двухъ часовъ, напившись чаю и отдохнувъ, хунхузы ушли такъ же неожиданно, какъ появились, потонувъ во мракъ дремучаго лѣса.

Когда они удалились, я спросилъ Дорошина, куда и зачѣмъ хунхузы ушли.

— Да Богъ ихъ знаетъ! — отвѣтилъ онъ: — отъ нихъ, собакъ, вѣдь не узнаешь! Можетъ, задумали что. А можетъ, и такъ, переходятъ на новыя мѣста. А счастливъ твой Богъ, баринъ, что я подвернулся тутъ. Безъ меня они бы васъ живьемъ захватили! Добыча вѣдь важная. И выкупу можно взять подходяще. Мы давно васъ запримѣтили изъ-за рѣчки, и если бъ вы не дались живьемъ—положили бы они васъ вразъ, съ одного залпу! Другой разъ будьте осторожнѣе въ этихъ мѣстахъ. Они тутъ постоянно шатаются; это ихъ, можно сказать, столбовая дорога. Даромъ-что линія близко, не посмотрѣли бы.

— Спасибо тебѣ за это, Акиндинъ. Когда-нибудь и я услужу тебѣ,—замѣтилъ я.—А теперь ты расскажи, что у тебя тамъ вышло съ полиціей? Ужъ не натворилъ ли ты чего?

— Да какъ же. Помилуй, баринъ, — отвѣтилъ онъ: — вѣдь я, можно сказать, извѣстенъ всѣмъ. Многіе господа офицера меня знаютъ. Не бѣглый же я, не варнакъ! За что они меня хотятъ въ тюрьму сажать? Что пачпорта у меня нѣту? Такъ что же! Гдѣ же я его возьму, когда его нѣтъ? То-есть есть, но говорятъ, что не годится; а почему не годится? Что, онъ фальшивый, что ли? Нѣтъ! Шалать! Я сажать не дамъ! (при этомъ онъ погрозилъ кому-то своимъ огромнымъ внушительнымъ кулакомъ). Вишь, что выдумали. Нѣтъ, не будетъ по-ихнему! Не видать имъ моего позора!.. Заступись за меня, баринъ! Скажи имъ, что ты хорошо меня знаешь, чтобы меня не сажали въ темную!

— Хорошо, хорошо, Дорошинъ. Я узнаю, въ чемъ дѣло, и сдѣлаю все, что могу. Ты не волнуйся и не безпокойся. Безъ вины никого не сажаютъ въ тюрьму, — утѣшалъ я разволнованнаго промышленника, рассматривая его паспортъ, который оказался дѣйствительно просроченнымъ на два года.

— Вотъ, — продолжалъ онъ, смотря на меня своими воспаленными отъ дыма глазами:—теперь я что? Чортъ знаетъ что, а не человѣкъ. Хуже звѣря. Скотина, и та имѣетъ свой хлѣвъ, свое стойло, а у меня что? Ничего... Дырявые поршни, и тѣ не мои: занялъ у знакомаго китайца... Эхъ, ты, жизнь. Не посулю никому. Ты говоришь, что все водка виновата? Нѣтъ, не водка! Если захочу бросить ее пить — брошу и не поморщусь. Нѣтъ, нѣтъ, не то... Такая ужъ планида моя, это вѣрно! — при этомъ онъ грустно качалъ головой и положилъ горячій уголекъ въ туго набитую табакомъ трубку. Послышалось шипѣнье, дымъ повалилъ изъ его рта клубами. Запахло ѣдкими „корешками“. — Да! — продолжалъ онъ, помолчавъ немного: — а могъ бы быть Дорошка человѣкомъ. Да не какимъ-нибудь тамъ Акиндемъ, а Дорошинымъ Акиндиномъ Тимоѣевичемъ! Да. Вотъ послушай, что я тебѣ скажу. Служилъ я вѣрой и правдой Царю моему и Росѣи-матушкѣ, и совѣсть моя чиста во какъ! Какъ передъ Богомъ. (При этомъ онъ перекрестился и посмотрѣлъ на темное звѣздное небо). Когда я служилъ еще въ охранной стражѣ, меня назна-

чили какъ-то сопровождать инженера, который ѣхалъ изъ Харбина съ большими деньгами: золотомъ тысячь десять въ мѣшечкѣ, серебромъ столько же въ ящикѣ, да при немъ въ портфель не то тридцать, не то сорокъ тысячь, не помню хорошо. Ёхали мы въ таратайкѣ. Кучеромъ былъ молодой парнишка-рабочій... Китаецъ тогда бунтовалъ, и по линіи случались нападенія, но войны еще не было. Вотъ ѣдемъ это мы по лѣсу; до поста вереть семь осталось... Уже темнѣло... Только это подѣзжаемъ къ мосту, какъ видимъ поперекъ дороги лежитъ дерево, — не объѣдешь, а за деревомъ голоса китайскіе. „Ну, быть бѣдѣ, говорю инженеру, надо спасаться“. Но не тутъ-то было... Начали стрѣлять по насъ, лошадь сразу повалилась... Мы соскочили съ брички да въ лѣсъ! А деньги-то, золото и серебро, осталось. Портфель-то при инженерѣ... Мнѣ жаль стало денегъ, что достанутся онѣ вонючимъ манзамъ, да еще наше царское золото. Вотъ я и побѣгъ къ бричкѣ назадъ. Винтовку держу передъ собой да кричу: „Держи ихъ! Держи!“ Китайцы уже были тамъ и шарили деньги. Какъ увидѣли меня (ихъ было человѣкъ десять), какъ загадятъ да тягу назадъ къ дереву! Что имъ тогда попритчилось, не знаю; можетъ, думали, что за мной другіе солдаты. Я скорѣе за мѣшокъ съ золотомъ, да давай Богъ ноги опять въ лѣсъ. Опаматовались нехристи, да за мной. Стрѣляли, да куда тамъ, не попасть имъ. Серебро ужъ осталось имъ, не унести мѣф: пудовъ нѣсколько! Искалъ я, искалъ того инженера съ кучеромъ, такъ и не нашелъ. Прихожу на нашъ постъ, и тамъ его нѣтъ — заблудился. Нашли ужъ черезъ три дня, чуть живого привели на станцію. Портфель при немъ былъ. Золото я сдуру тогда сдалъ въ контору участка. Товарищи, какъ узнали, — засмѣяли меня всеѣмъ, а я и въ самомъ дѣлѣ подумалъ тогда, что опростоволосилъ, да съ горя запыль, наскандалилъ, подрался съ вахмистромъ, чуть подъ судъ не попалъ! Вотъ какая исторія была со мной! Но теперь, какъ подумаю, что не взялъ грѣха на душу, ажно сердце затрепещетъ, и таково хорошо станеть. А могъ бы быть богатымъ, но не захотѣлъ рукъ марать и совѣсть мучить! Вотъ каковъ пропойца и бродяга Дорошка!.. Эхъ, ты жизнь!—Онъ съ сердцемъ такъ ударилъ своимъ кулачищемъ по землѣ, что раздался гулъ.—Ну, а ты какъ думаешь, баринъ, правъ былъ пьяница Дорошка или нѣтъ?

— Безусловно правъ!—отвѣтилъ я.—Даже, впрочемъ, если бы ты и воспользовался этимъ золотомъ, то впрокъ оно для тебя не пошло бы, даже было бы хуже, такъ какъ изъ-за денегъ тебя навѣрное гдѣ-нибудь пристукнули бы пьянаго. Недаромъ же говорится, что шальные деньги впрокъ не идутъ.

— Э, нѣтъ, баринъ. Не такъ ты говоришь. Если бы я взялъ себѣ золото, то бросилъ бы пить и справилъ себѣ избу хорошую и зажилъ бы припѣваючи гдѣ бы ни было: съ деньгами вездѣ хорошо!—Сказавъ это, Дорошинъ умолкъ и погрузился въ думу.

Догорающее пламя костра, слабо мерцаая, бросало на него красноватые, скользящіе блики.

Соколовскій ежился во снѣ, стараясь натянуть бурку на озябшую спину.

Издали доносился свистокъ паровоза со станціи Имяньпо.

Гдѣ-то на болотахъ гоготали дикіе гуси, и съ вышины темнаго неба несло курлыканье пролетныхъ журавлей.

Ночь умирала. На востокѣ засѣрѣло небо, и звѣзды одна за другой погасали.

Чуть замѣтный вѣтерокъ потянулъ отъ рѣки. Зашелестѣли сухіе листья прибрежныхъ кустовъ. Майхэ шумѣла.

А. И. Герценъ.

(Портр. на стр. 320).

25 марта с. г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія А. И. Герцена. Столѣтній промежутокъ времени отдѣляетъ насъ отъ того момента, когда впервые увидѣлъ свѣтъ этотъ вдохновитель „Колокола“, звучавшаго мощнымъ призывомъ къ раскрѣпощенію Россіи и къ обновленію русскаго общества и государства...

„Осердеченный умъ“,—говорилъ о Герценѣ Бѣлинскій. „Глубокое и блестящее сердце“,—писалъ о немъ Л. Толстой. Герценъ былъ такимъ же властителемъ думъ, какъ оба эти великихъ писателя. Онъ зажигалъ въ сердцахъ и умахъ русскіхъ людей 50—60-хъ годовъ любовь и стремленіе къ творческой свободѣ и направлялъ общественную мысль въ сторону совѣстливости, справедливости и разума. Живя всю свою жизнь за границей, вдали отъ Россіи и русскаго народа, онъ былъ рѣдкимъ патриотомъ, и вся его дѣятельность была запечатлѣна горячей любовью къ Россіи и проникнута искреннимъ и здоровымъ націонализмомъ. Блестящій писатель — очень извѣстный въ русской изящной литературѣ, Герценъ былъ замѣчательнымъ публицистомъ, — публицистомъ-художникомъ, въ статьяхъ и даже памфлетахъ котораго на ряду съ ѣдкимъ сарказмомъ и безошадной ироніей звучали струны горячей сердечности и любви къ людямъ.

Роль А. И. Герцена въ исторіи нашей общественности и культуры громаднa и еще недостаточно обслѣдована. Судьба же его, какъ человѣка, была скорбна и странна. Почти всю жизнь свою онъ провелъ за границей въ качествѣ политическаго эмигранта и, такъ сказать, врага своего отечества. А между тѣмъ вся его дѣятельность, все направленіе его ума и воли были посвящены благу и счастью родной страны, и онъ по справедливости считается однимъ

изъ творцовъ великихъ реформъ 60-хъ годовъ и однимъ изъ сотрудниковъ Царя-Освободителя, хотя и неявныхъ,—при чемъ Герценъ же въ своемъ „Колоколѣ“ первый торжественно назвалъ Императора Александра II „Освободителемъ“... Этотъ почетный эпитетъ, уже давно официально признанный и установленный, впервые появился на страницахъ запрещеннаго въ Россіи журнала.

Александръ Ивановичъ Герценъ родился 25 марта 1812 года въ Москвѣ, передъ самымъ нашествіемъ Наполеона на Россію. Великую московскую разруху онъ пережилъ шестимѣсячнымъ ребенкомъ и едва не сгорѣлъ во время московскаго пожара. Онъ былъ сынъ богатаго московскаго барина—И. А. Яковлева и его домоправительницы, Луизы Ивановны Гаагъ, нѣмки изъ Штутгардта. Своему внѣбрачному сыну, котораго, кетати сказать, онъ очень любилъ, Яковлевъ далъ фамилію Герценъ—въ ознаменованіе своихъ сердечныхъ („Herz“) отношеній къ нему и къ его матери, на которой онъ однако такъ и не женился... Эта фамилія оказалась для будущаго писателя удивительно подходящей, почти символической. Она какъ въ ознаменовала всю его дѣятельность, исполненную рѣдкой сердечности...

Еще мальчикомъ А. И. Герценъ подружился со своимъ родственникомъ, Огаревымъ, дружба съ которымъ осталась потомъ у него на всю жизнь. Подъ вліяніемъ француза-гувернера, пламеннаго республиканца и политика-революціонера, оба мальчика рано начали интересоваться политикой и стали мечтать объ „освобожденіи отечества“. Однажды во время прогулки на Воробьевыхъ горахъ Герценъ и Огаревъ принесли торжественную клятву „пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу“.

И эта клятва, странная въ устахъ 12—13-лѣтняго ребенка, была сдержана обими... Оба они сдѣлались на всю жизнь убѣжденными борцами за свободу.

Въ 1835 году Герценъ поступилъ въ Московскій университетъ. Въ бытность свою тамъ онъ вошелъ въ студенческой философскій кружокъ, увлекавшійся идеями извѣстныхъ и гремѣвшихъ тогда сень-симонистовъ. Но кружокъ этотъ былъ закрытъ, а его члены, и въ томъ числѣ Герценъ (это было уже послѣ окончанія имъ университетскаго курса), были арестованы и потомъ сосланы въ разные города. Герценъ попалъ въ Вятку, гдѣ и опредѣлился на службу подъ начало мѣтнаго губернатора. Счастливымъ для Герцена случай—посѣщеніе Вятки наслѣдникомъ-цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, въ сопровожденіи Жуковскаго—сократилъ пребываніе Герцена въ Вяткѣ. Онъ былъ переведенъ во Владиміръ на Клязьмѣ, счастливо женился въ этотъ періодъ времени на подругѣ своего дѣтства, Натальѣ Александровнѣ Захарьиной, и счастливо прожилъ здѣсь два года. Въ 1839 году ему былъ разрѣшенъ вѣздъ въ Москву, и съ этого времени для Герцена началась широкая общественная жизнь въ средѣ высшей московской интеллигенціи и вмѣстѣ съ тѣмъ крупная литературная извѣстность. Къ этому періоду его жизни принадлежатъ его блестящія научно-философскія статьи: „Письма объ изученіи природы“ и его главныя беллетристическія произведенія — романы: „Кто виноватъ“ и „Записки д-ра Крупова“, а также и цѣлый рядъ замѣчательныхъ публицистическихъ произведеній, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ подъ псевдонимомъ „Искандеръ“.

И тѣмъ не менѣ Герценъ не остался въ Москвѣ. Его тянуло за границу, на Западъ, который представлялся ему въ ореолѣ культурнаго и нравственнаго величія. Въ январѣ 1847 года онъ переѣхалъ въ первый и послѣдній разъ русскую границу. И съ этой поры ему уже не было суждено возвратиться въ Россію. Всю остальную жизнь онъ провелъ за границей въ качествѣ эмигранта.

На Западѣ Герцену пришлось вынести не мало разочараній. Разыгравшаяся во Франціи іюньская революція и послѣдовавшія за нею событія оттолкнули его своей жестокостью и той „глупостью“, съ которой боролся его „д-ръ Круповъ“, и которая во всѣхъ ея видахъ — и въ общественной, и политической, и въ частной жизни — была такъ ненавистна самому Герцену. И какъ-то невольно онъ изъ яркаго западника превратился въ почти славянофила и во всякомъ случаѣ въ человѣка, горячо любящаго свою родину и свой народъ и видѣвшаго въ немъ богатые задатки прекраснаго будущаго. И проведя всю дальнѣйшую жизнь во Франціи, Италіи и Англии, принимая живое участіе въ западной политической борьбѣ въ эпоху сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, Герценъ все время болѣлъ душой за свое родное и какъ бы некалъ на Западѣ того хорошаго, что могло бы возсіять у насъ, въ Россіи, несравненно большимъ блескомъ.

Едва ли не первый изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, Герценъ, благодаря своему громадному личному вліянію и талантливости, сблизилъ въ духовномъ отношеніи Россію съ культурной заграницей и заставилъ иностранцевъ интересоваться Россіей. Онъ первый завязалъ тѣ культурныя связи Россіи съ Западомъ, которыя потомъ выросли въ близкое единеніе Запада съ Россіей на почвѣ литературы и духовной жизни. Въ этомъ отношеніи онъ былъ предвозвѣстникомъ Толстого и Достоевскаго. Дружа съ Гюго, Гарибальди, Мазини, Прудомъ и съ другими европейскими гигантами мысли и таланта, онъ былъ для нихъ живымъ отголоскомъ Россіи и знакомилъ ихъ — а черезъ нихъ и все ихъ общество — съ тѣмъ, что было и что дѣлалось въ нашей странѣ.

Расцвѣтъ общественно-литературной дѣятельности А. И. Герцена начался въ 50-хъ годахъ послѣ пережитыхъ имъ тяжкихъ личныхъ потрясеній и несчастій. Онъ потерялъ мать и сына, трагически погибшихъ во время кораблекрушенія въ Средиземчаотки и жена его. Потрясенный этими катастрофами, Герценъ уѣхалъ изъ Ниццы, гдѣ жилъ до этого времени, въ Лондонъ, и тамъ вскорѣ началась прославившая его литературная дѣятельность, всего ярче выразившаяся въ изданіи его знаменитаго „Колокола“.

„Колоколу“ предшествовала „Полярная Звѣзда“ — журналъ, въ особенности рабовладѣльчество. Затѣмъ одно время выходили въ свѣтъ „Голоса изъ Россіи“, гдѣ Герценъ печаталъ корреспонденціи,

доходившія къ нему съ далекой родины. Наконецъ въ томъ же 1856 году къ Герцену пріѣхалъ Огаревъ, и они оба рѣшили выпускать „листокъ“, какъ они выражались, съ удачнымъ названіемъ „Колоколъ“ и съ не менѣ удачнымъ эпиграфомъ „Vivos voco!“ („Живыхъ призываю!“).

Роль „Колокола“, въ которомъ наиболѣе ярко развернулся публицистическій талантъ Герцена, была громадна. „Колоколъ“ можно было найти всюду — и въ частныхъ рукахъ, и въ министерствахъ, и у сановниковъ, и у учащейся молодежи. По разоблаченіямъ, печатавшимся въ этомъ „зарубежномъ“ журналѣ, нерѣдко назначались слѣдствія. Журналъ Герцена представлялъ собою „власть въ государствѣ русскомъ“, — какъ не безъ гордости говорили современники.

Такое вліяніе и значеніе „Колокола“ объяснялось не только исключительнымъ талантомъ самого Герцена, его страстными и вдохновенными рѣчами противъ всякой неправды, его умомъ и его сердцемъ, но едва ли не большую причину этого колоссальнаго вліянія слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельстве, что все русское общество того времени жило тѣми самыми идеалами и стремленіями, которые проповѣдывалъ Герценъ. Вся мыслящая и чувствующая Россія страстно желала тогда обновленія, реформъ, освобожденія крестьянъ, новаго суда, гласности. И нѣтъ никакого удивленія, что, когда Герценъ начерталъ на знамени „Колокола“ знаменательныя слова: „Освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ“, — то вся Россія горячо откликнулась на этотъ лозунгъ, и слова эти прозвучали дѣйствительно какъ голосъ колокола, призывающаго все, что живетъ и чувствуетъ, къ борьбѣ съ вѣковѣчнымъ зломъ.

Цѣлыхъ пять лѣтъ (съ 1856 по 1861) „Колоколъ“ звучалъ въ унисонъ съ русскимъ обществомъ. И эта эпоха — главенствующая и наиболѣе яркая въ жизни Герцена. Поздѣе онъ уже отошелъ отъ русскаго общества въ сторону, — и это было тогда, когда „Колоколъ“ взялъ подъ свою защиту возставшихъ въ 1861 году поляковъ. Послѣ этого „Колоколъ“ сталъ звенѣть все тише, и значеніе его падало въ обновлявшейся Россіи, тѣмъ болѣе, что многое изъ того, во имя чего ратовалъ Герценъ, уже увидѣло свѣтъ: крестьяне были освобождены (кстати сказать, во многомъ согласно съ предначертаніями и планами Герцена), были введены новые суды, были значительно, въ небывалой до того мѣрѣ, смягчены цензурныя условія.

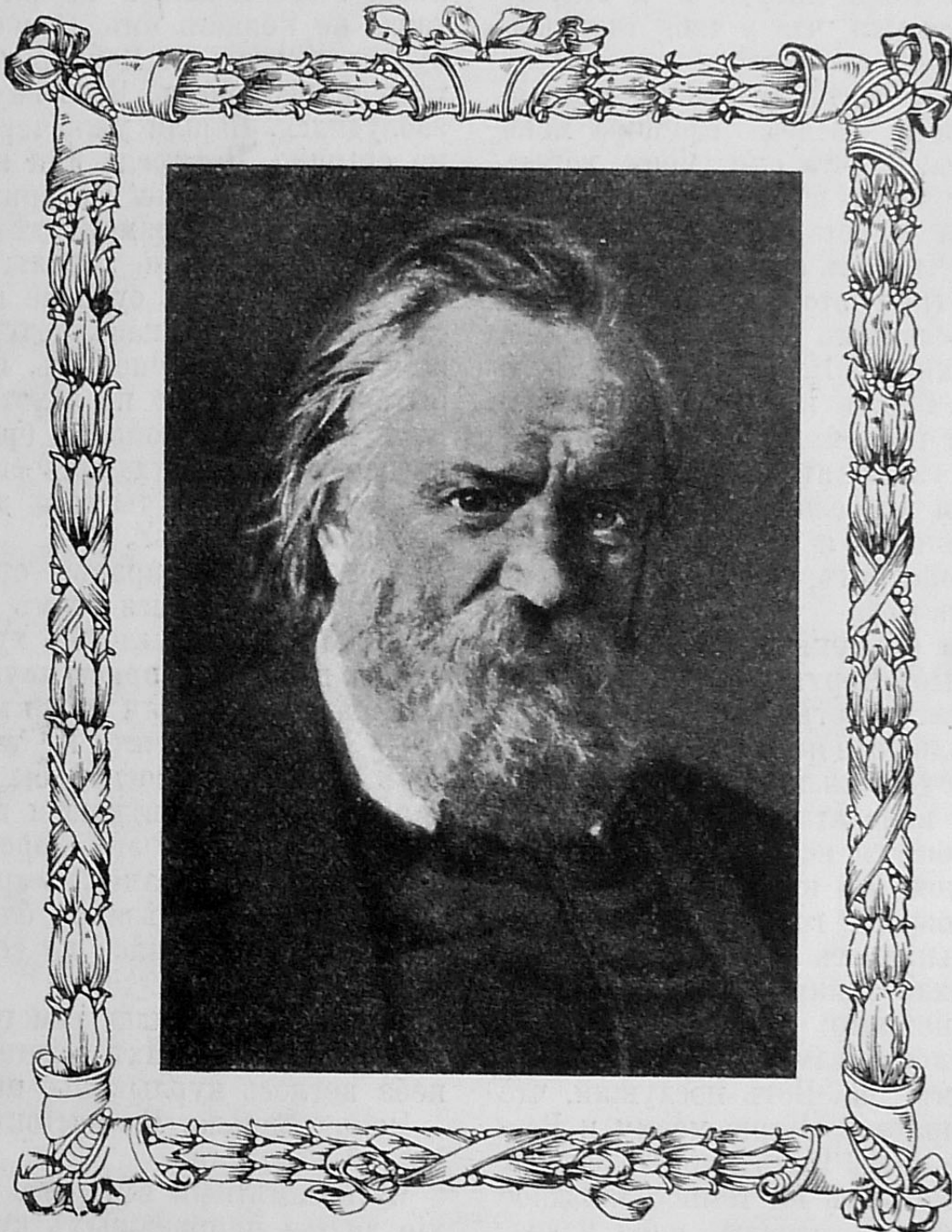
Послѣдній № „Колокола“ вышелъ уже въ Женевѣ 1 іюня 1867 года. Черезъ годъ Герценъ выпустилъ свой журналъ на французскомъ языкѣ съ цѣлью ознакомить французовъ съ Россіей. Но этотъ „Kolokol“ существовалъ недолго.

Недолго жилъ послѣ того и самъ Герценъ. Въ послѣднія девять лѣтъ жизни онъ во многомъ разочаровался, во многомъ извѣрился, и эти послѣдніе годы были для него тяжелы и малопродуктивны. Скончался онъ въ Парижѣ 9 января 1870 года отъ воспаленія легкихъ.

Онъ оставилъ Россіи громадное литературное наслѣдіе, во многихъ частяхъ еще и до сихъ поръ неизвѣстное русской читающей публикѣ. Наибольшей извѣстностью пользуются у насъ беллетристическія произведенія, въ которыхъ талантъ Герцена далеко еще не достигъ своего зенита. Изъ нихъ назовемъ романъ „Кто виноватъ“ съ классическимъ типомъ Бельтова, предшественника Рудина. Назовемъ затѣмъ „Записки доктора Крупова“, „Сорока воровка“, „Aphorismata“, „Долгъ прежде всего“, „Трагедія за стаканомъ грога“ и „Скуки ради“. Несравненно большее художественное и философское значеніе имѣютъ знаменитые мемуары Герцена „Былое и думы“, въ которыхъ съ поразительной силой отразились весь духовный обликъ Герцена, все его свободолубивое и истекавшее кровью отъ страстной любви къ человѣчеству сердце. Эти мемуары — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы.

Изъ другихъ произведеній Герцена пользуются извѣстностью его статьи и очерки, посвященные его заграничнымъ скитаніямъ и знакомствамъ: „Съ того берега“ и отдѣльныя статьи и монографіи: „Русскій народъ и социализмъ“, „Крещеная собственность“ (о крѣпостномъ правѣ), „Старый міръ и Россія“, „Александръ I и В. П. Каразинъ“ и др.

Произведенія Герцена долгое время находились подъ запретомъ и только въ болѣе позднее время получили доступъ къ русскому читателю. И только теперь мы узнали и увидѣли, что сорокалѣтіе, истекшее со дня его смерти, и столѣтіе со дня его рожденія ничѣмъ не затуманили его громаднаго литературнаго и нравственнаго значенія для нашихъ поколѣній.

А. И. Герценъ. (По поводу 100-лѣтія со дня рожденія).

Австро-венгерскій конституціонализмъ.

(Политическое обозрѣніе).

Конституціонализмъ очень плохо уживается съ національной борьбой внутри государства. Самыя священныя аксіомы гражданскаго права на каждомъ шагѣ приносятся въ жертву племеннымъ интересамъ. Едва ли не лучшею иллюстраціею справедливости этихъ словъ можетъ служить общая картина политической жизни Венгріи. Она переживаетъ теперь сразу два острыхъ кризиса на почвѣ національной борьбы. Венгерскіе патріоты ведутъ одновременно войну на два фронта: наступательную—по отношенію къ хорватамъ и оборонительную—по отношенію къ австрійцамъ, отстаиваютъ свою національную конституцію отъ натиска имперцевъ и совершенно отмѣняютъ конституціонныя гарантіи въ Хорватіи въ интересахъ окончательной мадьяризаціи славянъ. Стоило только хорватамъ стать на защиту своихъ національныхъ правъ подъ знаменемъ конституціи, какъ венгры тотчасъ же прекратили дѣйствіе конституціи: свобода собраній, свобода печати и всѣ такъ называемыя гражданскія права объявляются недѣйствительными, и правленіе округомъ возвращается къ приемамъ самаго неограниченнаго деспотизма. Какъ такъ, законно избранныя хорватскимъ населеніемъ въ сеймъ партіи сербская и хорватская объединяются между собою и сливаются съ партіей права для общей борьбы противъ поставленнаго венграми правителя и его политики насильственной мадьяризаціи! На что это похоже? Нѣтъ, венгерскіе либералы ни за что не потерпятъ такого безобразія! Разогнавъ сеймъ, растоптавъ молодые входы мѣстнаго славянскаго самоуправления, они будутъ править Хорватіей съ помощью полиціи и войска и сумѣютъ смирить недовольныхъ энергичными расправами! Правда, вѣнская печать не ожидаетъ ничего хорошаго отъ такого усердія. „Neue Freie Presse“ отмѣчаетъ, что слишкомъ нажимистая система венгерскаго управленія успѣла уже принести отрицательные результаты и объединила сербовъ съ хорватами, которые до сихъ поръ были разъединены взаимной враждой. Органъ христіанскихъ социалистовъ называетъ отмѣну конституціи „турецкимъ набѣгомъ“ на Хорватію, которая была тиха и спокойна. Одна изъ вѣнскихъ газетъ, стоящихъ на имперской точки зрѣнія, идетъ еще дальше и утверждаетъ, что Австрія не имѣетъ права оставаться безучастнымъ зрителемъ возмутительнаго издѣвательства надъ цѣлымъ народомъ, такъ какъ венгерскими попытками пораженія хорватовъ наносится ущербъ интересамъ всей монархіи. Программой внѣшней политики монархіи являются свободное развитіе балканскихъ народовъ и моральное завоеваніе послѣднихъ. Но развѣ эта программа можетъ осуществиться, если самое передовое юго-славянское племя, извѣстное своей преданностью имперіи, подвергается столь безпримѣрнымъ притѣсненіямъ? Венгерская некультурность положительно вытѣсняетъ хорватовъ изъ предѣловъ имперіи и прямою дорогою ведетъ къ вооруженію всѣхъ славянъ противъ Австріи. Негодующимъ призывамъ имперскихъ либераловъ нельзя отказать въ извѣстной долѣ правоты, такъ какъ общій миръ въ разноплеменной монархіи, претендующей на конституціонно-правовой строй, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть построенъ на угнетеніи однихъ народовъ другими.

Но спрашивается: держатся ли сами вѣнскіе правители той системы управленія, которой они требуютъ отъ своихъ будапештскихъ коллегъ? Печальная исторія послѣдняго австро-венгерскаго столкновенія заставляеть отвѣтить отрицательно. Еще со временъ Маріи-Терезіи венгры пользовались правами самостоятельныхъ хозяевъ своей арміи. Они посылали свои полки биться бокъ-о-бокъ съ австрійскими полками, но не утрачивали принадлежавшихъ имъ верховныхъ правъ.

Венгерскіе законы 1715, 1791 и 1827 годовъ обезпечиваютъ призывъ новобранцевъ лишь съ согласія венгерскаго парламента. Венгерскій законъ 1888 г. устанавливаетъ чрезвычайный призывъ запасныхъ или оставленіе на дѣйствительной службѣ отбывшихъ срокъ нижнихъ чиновъ въ случаѣ неотложной необходимости, какъ, на примѣръ, при эпидемическихъ заболѣваніяхъ и т. п. Съ венгерской точки зрѣнія въ настоящее время вопросъ сводится лишь къ замѣнѣ вотированнаго парламентомъ контин-

гента новобранцевъ новымъ контингентомъ, тогда какъ военные круги, а также австрійскіе политическіе дѣятели находятъ возможнымъ примѣнять упомянутый исключительный законъ также и въ тѣхъ случаяхъ, когда контингентъ еще не вотированъ парламентомъ. Противъ такого толкованія и направлено заключенное гр. Куэнь-Хедервари съ партіей Кошута соглашеніе, согласно которому венгерскій парламентъ долженъ постановленіемъ своимъ подтвердить венгерскую точку зрѣнія.

На практикѣ весь вопросъ сводится, разумѣется, къ тому, что за согласіе вотировать контингентъ новобранцевъ венгры каждый годъ разсчитываютъ выторговывать у австрійскаго правительства новыя и новыя уступки въ борьбѣ за расширеніе своихъ правъ. Министръ-президентъ Куэнь-Хедервари въ интересахъ проведенія особенно тяжелаго въ нынѣшнемъ году военнаго бюджета согласился принять выработанную венгерскими партіями резолюцію и даже уговорилъ императора Франца-Иосифа дать свое согласіе на принятіе ее. Но послѣ его отъѣзда военная партія въ Вѣнѣ запороговала, и стоящій во главѣ ея наслѣдникъ престола вынудилъ императора отказаться отъ даннаго согласія. Получился небывалый скандалъ. Подъ впечатлѣніемъ его венгерскій министръ-президентъ подалъ императору прошеніе объ отставкѣ, но императоръ не принялъ ее и пригрозилъ собственнымъ отказомъ отъ венгерской короны. Хедервари остался на своемъ посту и удовлетворился императорскимъ манифестомъ, въ которомъ было выражено обѣщаніе свято соблюдать венгерскую конституцію. Но венгерская оппозиція не удовлетворяется сладкими словами и готова продолжать борьбу за права Венгріи, выражая и въ печати и въ рѣчахъ порицаніе правительству, что оно прибѣгаетъ къ сильно дѣйствующимъ средствамъ, какъ угроза отреченіемъ отъ престола чрезвычайно популярнаго во всей странѣ императора. Въ концѣ концовъ, когда наступаетъ надобность, австрійцы съ такою же безцеремонностью нарушаютъ конституціонныя права венгровъ, съ какою сами венгры нарушаютъ конституціонныя права хорватовъ. Всѣ конституціи болѣе соблюдаются на бумагѣ, чѣмъ въ жизни, но всего ближе къ фикціи онѣ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ кипитъ ключомъ горячая національная борьба.

Церковный соборъ.

(Вопросы внутренней жизни).

Однимъ изъ главныхъ пожеланій Гос. Думы, выраженныхъ при обсужденіи смѣты Св. Синода, было пожеланіе о скорѣйшемъ созывѣ церковнаго собора. Это пожеланіе какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ насущнымъ потребностямъ церковнаго политическаго быта Россіи. Соборность составляетъ самую душу

православной церкви, ея рѣзкое отличіе отъ іерархическаго католицизма, и поэтому долговременный разрывъ съ соборнымъ началомъ не могъ не отозваться въ высшей степени неблагоприятно на состояніи и процвѣтаніи православія. Соборное начало было упразднено реформами Петра, подчинившаго религіозную совѣсть русскаго народа государству, замѣнившаго патріарха Святѣйшимъ Синодомъ подъ наблюденіемъ оберъ-прокурора. Эти двѣсти лѣтъ православіе прожило не только обезглавленнымъ, но также и лишеннымъ моральной связи съ народомъ, и естественно въ концѣ концовъ должно было утратить свое вліяніе на народъ.

По мѣрѣ того, какъ церковь становилась безнародной, жизнь народа дѣлалась безцерковной, безрелигіозной. Милліоны русскіхъ людей отшатывались отъ когда-то родной церкви, переходили изъ православія въ старообрядчество, католичество, всякаго рода сектанство, искали и находили удовлетвореніе запросовъ своей религіозной совѣсти внѣ своего православія. Даже и тѣ народныя массы, которыя остались формально вѣрны православію, внутренне разорвали связь съ церковью, духовно отшатнулись отъ нея, мало посѣщаютъ храмы Божіи, не находятъ радостнаго удовлетворенія въ молитвѣ и представляютъ собою, въ сущности, стадо, разсыпавшееся во всѣ стороны отъ далекаго и нравственно чуждаго пастыря. Переживаемый русскимъ народомъ незримый религіозно-церковный развалъ грозитъ дать почувствовать себя самымъ мучительнымъ образомъ въ области общественно-государственной жизни. Хотя Америка и Франція провозгласили принципъ отдѣленія церкви отъ государства, построивъ государство на гражданско-правовыхъ началахъ, независимыхъ отъ религіи, но

А. Н. Будищевъ. (По поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности). По фот. Д. Здобнова.

все остальное человечество, и в частности русский народ, не признает безрелигиозной морали и безрелигиозной государственности. Основоу нравственности, как личной, так и гражданской, началом, связующим необузданный личный эгоизм и дѣлающим возможным общежитіе людей, а слѣдовательно—и фундаментомъ всякой общности и государственности, у насъ служить религія. И вотъ именно въ этомъ-то фундаментѣ всего своего государственнаго бытія шатается и хирѣетъ Россія по мѣрѣ быстро прогрессирующаго захирѣнія народной церкви. Крѣпость и прочность всякой государственности таится въ полнотѣ согласія правительственной работы съ желаніями и потребностями народа, и такъ какъ руководителемъ и направителемъ народныхъ стремленій служитъ религія, то оздоровленіе государственной жизни націи не можетъ быть достигнуто безъ оздоровленія церкви. Вновь сдѣлать іерархическую церковь народной, слить въ одномъ религіозно-общественномъ служеніи духовно одинокихъ пастырей съ духовно разсѣявшейся паствою, внѣдрить религію въ жизнь и озарить жизнь свѣтомъ религіи—такова священная задача нашихъ дней, которая должна быть рѣшена неотложными церковными реформами. О нихъ вопіетъ сама русская жизнь, о нихъ возносятъ молитвы тысячи вѣрующихъ сердецъ, ихъ страстно ждутъ, какъ благодѣтельнаго дождя и оживляющей росы небесной, изсохшая въ мертвящей безцерковности, забытая Богомъ русская нива.

Только соборъ можетъ дать возрожденіе церкви, захирѣвшей въ двухвѣковомъ отчужденіи отъ живыхъ источниковъ религіозной совѣсти народа. Только соборъ можетъ положить конецъ обезсиливающему Русь православную великому расколу и повести къ сліянію отколовшагося старообрядчества съ православіемъ, ибо не можетъ быть раздѣленія тамъ, гдѣ должно быть единство во Христѣ.

Великія задачи собора предрѣшаютъ и вопросъ о его составѣ. Желая возродить изолированную отъ мірянъ церковь, мы поневолѣ должны приблизить ее къ мірянамъ и призвать ихъ къ участию въ церковномъ соборѣ. Нельзя, какъ дѣлаютъ нѣкоторые іерархи и сановники духовнаго вѣдомства, опасаться внѣдренія общественнаго элемента и боязливо отмахивать его, какъ мусоръ съ церковнаго пола, ибо безъ мірянъ нѣтъ церкви: церковь, это—не причтъ, не іерархи, это—общеніе вѣрующихъ, и вѣрующимъ же мірянамъ должно быть предоставлено слово на церковномъ соборѣ. Такого мудраго и святаго правила держались во времена апостольскія. На соборахъ первыхъ вѣковъ христіанства было рѣшено много основныхъ вопросовъ христіанской вѣры, обычаевъ и церковнаго быта, и даже сами апостолы и ихъ ближайшіе преемники рѣшали все недоумѣнія того времени не одни, но въ непосредственномъ участіи пресвитеровъ и общества христіанъ. Неужели же наши іерархи выше и авторитетнѣе самихъ апостоловъ и поэтому сочтутъ себя въ правѣ отстранить бѣлое духовенство и мірянъ отъ участія въ ожидаемомъ соборѣ? Специально соборъ чернаго духовенства не окажетъ никакого воздѣйствія на паству, не приведетъ къ возрожденію церкви и вообще не будетъ имѣть почти никакого значенія. Для того, чтобы дать православной церкви силу жизни и поднять вѣру въ народѣ, надо призвать къ участию въ соборѣ вѣрующей народъ.

А. Н. Будищевъ. (Портр. на стр. 321).

5 апрѣля с. г. исполнилось 25-лѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго беллетриста Алексея Николаевича Будищева. Начавъ свою „литературную страду“ въ 1887 году, онъ какъ-то незамѣтно подошелъ къ той грани, за которой для писателя начинается уже предустановленная, юбилейная извѣстность. 25-лѣтіе беллетристической дѣятельности—срокъ немалый, и какъ-то странно говорить о четверть-вѣковомъ юбилеѣ того, кто еще полонъ чисто юношеской свѣжести и энергіи, и чьи произведенія насыщены живостью и бодростью молодости...

Таковы именно произведенія А. Н. Будищева. Таково его своеобразное и красивое творчество. Онъ—поэтъ и писатель молодого поколѣнія, хотя началъ свою литературную дѣятельность почти одновременно съ Чеховымъ. Но Чеховъ воссталъ уже отошедшихъ людей, уже вымирающее поколѣніе, тогда какъ Будищевъ—изобразитель болѣе близкой къ намъ современности—давалъ и даетъ картины и типы молодой, современной намъ эпохи.

А. Н. Будищевъ родился въ 1867 году. Его произведенія стали появляться въ печати, какъ уже упомянуто, съ 1887 года въ различныхъ изданіяхъ. Печатался онъ и въ юмористическихъ журналахъ, и въ газетахъ, и въ „толстыхъ“ журналахъ. Печаталъ и

стихи, и повѣсти, и публицистическія статьи. Нѣсколько позднѣе произведенія А. Н. Будищева стали выходить въ свѣтъ отдѣльными изданіями. Такъ, въ 1897 году вышли его рассказы „Степные волки“, затѣмъ въ 1901 г.—сборникъ рассказовъ „Разныя понятія“, сборникъ стихотвореній и т. д. Изъ болѣе крупныхъ произведеній юбиляра можно упомянуть романы „Степь грезитъ“ (этотъ романъ впервые появился въ свѣтъ на страницахъ нашего журнала), „Лучшій другъ“, „Пробужденная совѣсть“, „Я и Онъ“ и другіе.

А. Н. Будищевъ одновременно является и поэтомъ и прозаикомъ. Какъ поэтъ, онъ отличается рѣдкой вдумчивостью и умѣньемъ схватывать самыя тонкія настроенія, иной разъ почти патологическія по своей болѣзненной обостренности. Форма его стихотвореній прекрасна: они исполнены музыкальности и тонкой красоты и отчетливости ритма. Въ сборникѣ его стихотворныхъ произведеній можно насчитать очень много такихъ вещей, которыя просятся на музыку и могутъ считаться настоящими маленькими шедеврами лирической поэзіи.

Совершенно особенную черту поэтическаго творчества А. Н. Будищева составляетъ какая-то особая проникновенность въ міръ фантастическихъ грезъ. Фантастика и нѣкоторая доля красиваго и „осердеченнаго“, если можно такъ выразиться, мистицизма лежатъ въ самой основѣ его поэтическаго вдохновенія. Съ этимъ мистицизмомъ и сказочно-красивой фантастикой Будищевъ подходит и къ природѣ и одухотворяетъ ее и населяетъ прекрасными призраками. Любовь къ природѣ, своеобразное и тонкое пониманіе ея и проникновеніе ея своимъ собственнымъ „я“ составляютъ еще одну чрезвычайно характерную особенность творчества А. Н. Будищева. Это отношеніе къ природѣ сказалось у него уже въ самыхъ первыхъ его произведеніяхъ, печатавшихся въ юмористическихъ журналахъ, и придало особую прелесть этимъ его произведеніямъ.

Таковъ же Будищевъ и какъ прозаикъ. Великолѣпная техника его рассказовъ и романовъ хорошо извѣстна нашимъ читателямъ, и мы не находимъ нужнымъ распространяться по поводу этого. А. Н. по праву считается однимъ изъ блестящихъ стилистовъ нашего времени, и въ этомъ отношеніи приходится снова сравнить его съ Чеховымъ, съ которымъ у него очень много сходства въ умѣньѣ владѣть литературнымъ языкомъ и въ умѣньѣ сказать именно то и именно такъ, какъ нужно.

Великолѣпный народный говоръ, прекрасная чистая русская рѣчь такъ и звенятъ въ его прозаическихъ произведеніяхъ. Уже сама по себѣ эта колоритная, яркая рѣчь представляетъ собою одно изъ крупнѣйшихъ достоинствъ Будищева-прозаика. Затѣмъ

великолѣпны все его описанія, вся, такъ сказать, географія его романовъ и повѣстей. Но едва ли не самое главное ихъ достоинство, это—ихъ тонкая психологичность, ихъ *душа*. А. Н. Будищевъ—рѣдкій психологъ, и въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній (напримѣръ, въ романѣ „Я и Онъ“) онъ возвышается въ своемъ психологическомъ анализѣ до Достоевскаго, съ которымъ у него есть кое-что общее въ талантѣ.

Наконецъ необходимо упомянуть и о третьемъ Будищевѣ—о Будищевѣ-публицистѣ. Въ качествѣ такового юбиляръ неоднократно выступалъ въ газетѣ „Русь“ и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Публицистика А. Н. Будищева во многомъ носитъ характеръ всего его литературнаго творчества: въ ней много лирики, много поэзіи и, пожалуй, менѣе остроумія, вообще говоря, обязательнаго для этого рода литературы. Во всякомъ случаѣ эта область не можетъ считаться специфически свойственной Будищеву.

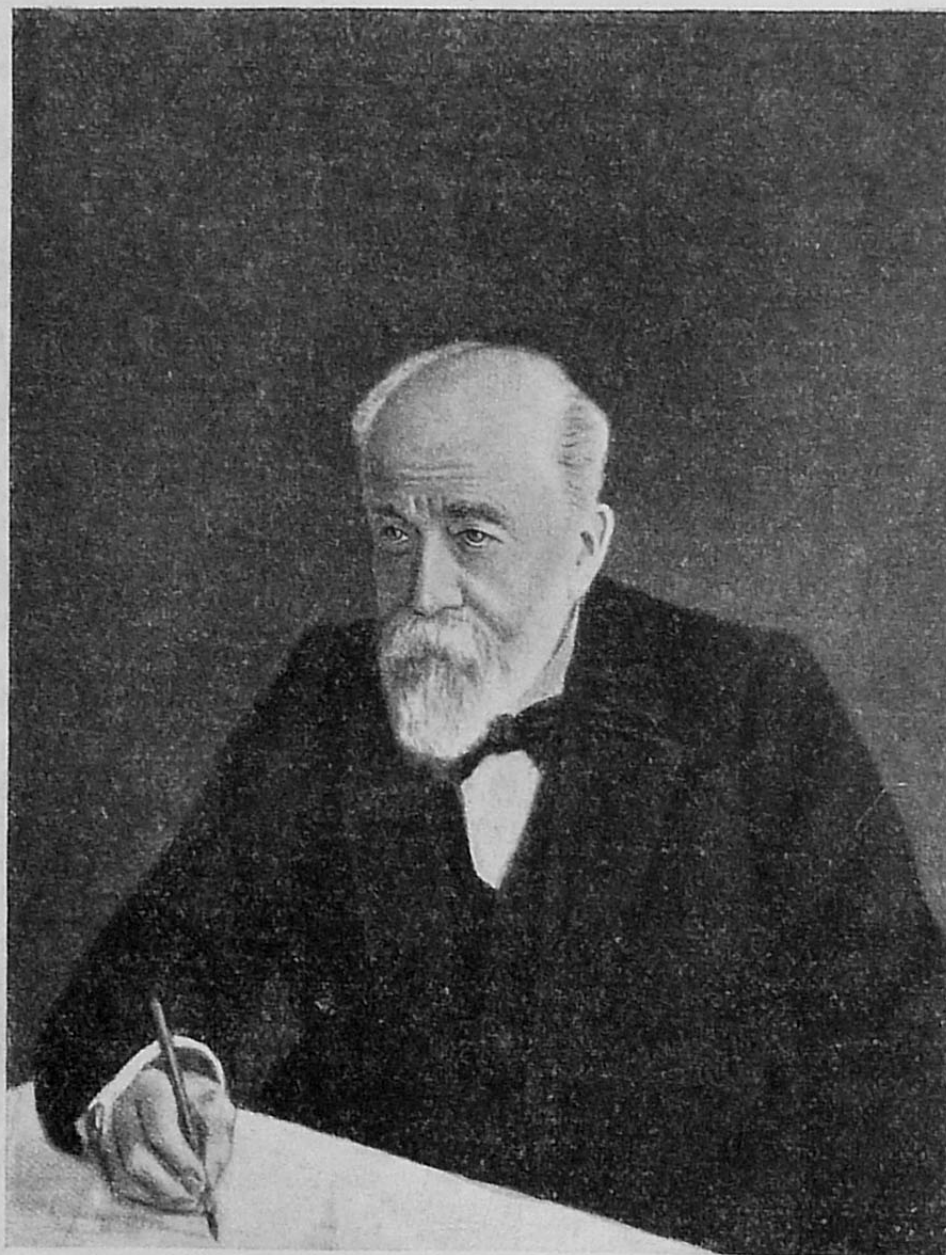
А. Н. Будищевъ пользуется извѣстностью и какъ драматургъ. Его пьесы неоднократно шли и идутъ на различныхъ сценахъ. Въ нихъ много дѣйствія, жизни, мѣтко очерченныхъ типовъ.

25-лѣтній юбилей застаётъ А. Н. Будищева въ самомъ расцвѣтѣ его литературной дѣятельности, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ дастъ русскому читателю еще гораздо болѣе того, что уже далъ. Его молодость и энергія тому порукой.

Анри Бриссонъ. (Портр. на этой стр.).

1 апрѣля с. г. въ Парижѣ скончался извѣстный политическій дѣятель Франціи—президентъ французской Палаты Депутатовъ Анри Бриссонъ.

Въ лицѣ покойнаго отошелъ изъ этого міра человекъ рѣдкой политической честности, неоднократно выступавшій въ защиту поправныхъ общечеловѣческихъ правъ и смѣло шедшій наперекоръ мелочному политиканству, интригамъ и партійнымъ заблуд-

Анри Бриссонъ, президентъ французской Палаты Депутатовъ († 1 апрѣля с. г.).

ждениямъ. Бриссонъ умѣлъ стоять выше всѣхъ этихъ закулисныхъ политическихъ дразгъ и отстаивалъ вездѣ и во всемъ „правое дѣло“. Это создало ему почти столько же враговъ, сколько поклонниковъ и единомышленниковъ.

А. Бриссонъ началъ свою общественную дѣятельность въ рядахъ адвокатуры. Въ 1871 году онъ вступилъ въ Палату Депутатовъ въ качествѣ депутата, а въ 1894 г. уже былъ ея председателемъ. Съ 1904 г. и до послѣдняго времени Бриссонъ председательствовалъ уже несмѣяемо.

Долго будутъ памяты во Франціи два крупныхъ политическихъ выступленія А. Бриссона: во-первыхъ, его борьба съ извѣстнымъ политическимъ авантюристомъ—генераломъ Буланже и съ пресловутымъ буланжизмомъ,—борьба, кончившаяся торжествомъ тѣхъ ясныхъ и чистыхъ политическихъ и общественныхъ прин-

изъ самыхъ популярныхъ личностей въ Парижѣ и во всей современной Франціи. И у его гроба соединились теперь въ послѣднемъ поклоненіи его праху всѣ лагери, всѣ партіи, всѣ лица. Скончался рыцарь общественности и истинный человекъ своего долга...

Инокія Марія—графиня Марія Николаевна Толстая. (Портр. на этой стр.).

5 апрѣля с. г. въ Шамординскомъ монастырѣ скончалась инокія Марія—графиня Марія Николаевна Толстая, сестра Льва Николаевича.

Она родилась 7 марта 1830 года и не знала своей матери, которая умерла вскорѣ послѣ родовъ. Матери Маріи Николаевны очень хотѣлось имѣть дочь, и она, какъ человекъ въ высшей сте-

А. М. Хирьяковъ.

Инокія Марія.

Гр. А. Л. Толстая.

А. К. Чертова.

В. Г. Чертковъ.

Инокія Марія—графиня Марія Николаевна Толстая, сестра Льва Николаевича Толстого, со своей племянницей и друзьями брата.

циповъ, которымъ служилъ покойный. Во-вторыхъ, Анри Бриссонъ сыгралъ блестящую и громадную роль въ дѣлѣ Дрейфуса. Несмотря на всевозможные протесты и препятствія „темныхъ силъ“, старавшихся замаять поднятое Эмилемъ Зола дѣло о невинно-осужденномъ узникѣ „Чортова острова“, несмотря на нещадную травлю анти-дрейфусаровъ, Бриссонъ сдѣлалъ все возможное, все зависящее отъ своихъ силъ и вліянія, чтобы добиться пересмотра дѣла Дрейфуса. И онъ добился того, что чело-вѣческая ненависть и слѣпое, якобы „націоналистическое“, доктринерство были побѣждены безпристрастною правдою и справедливостію...

Бриссонъ отличался рѣдкой твердостью и памятованьемъ о долгѣ. Онъ сумѣлъ создать прочную общественную дисциплину въ томъ высокомъ собраніи, въ которомъ онъ состоялъ председателемъ. О немъ разсказываютъ слѣдующій характерный фактъ: когда въ Палатѣ Депутатовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ была брошена анархистомъ бомба, и въ собраніи воцарилась вполнѣ понятная паника, Бриссонъ одинъ остался на своемъ мѣстѣ и громко воскликнулъ: „Засѣданіе продолжается“...

Невидимый одними и уважаемый всѣми, Бриссонъ былъ одною

пени религіозный, горячо молилась объ исполненіи этого желанія и ѣздила по монастырямъ и давала обѣты и т. п. вмѣстѣ съ нею молилась и всюду сопутствовала ей ея пріятельница—юродивая Марья Герасимовна, въ честь которой и была названа Марія Николаевна и которая была ея крестной матерью.

Воспитывала Марію Николаевну такъ называемая тетюшка, на самомъ дѣлѣ дальняя родственница Толстыхъ, Татьяна Александровна Ергольская, — человекъ рѣдкой душевной доброты и самоотверженности и тоже очень набожная. Другимъ близкимъ человекомъ въ періодъ ранняго дѣтства Маріи Николаевны была настоящая тетюшка, сестра отца, Александра Ильинична Остенъ-Сакенъ, которая также отличалась большою набожностію и умерла въ Оптиной пустыни.

По всей вѣроятности, вліяніе этихъ женщинъ да и всей обстановки дома Толстыхъ, гдѣ очень частыми гостями были всякіе богомольцы и богомолки, наложило на Марію Николаевну извѣстный отпечатокъ. Съ годами подъ вліяніемъ свѣтской разсѣянной жизни отпечатокъ этотъ какъ бы сгладился, казалось, исчезъ совершенно; но когда послѣ неудачнаго замужества и цѣлаго ряда другихъ жизненныхъ разочарованій передъ Маріей Николаевной

всталъ основной вопросъ о смыслѣ жизни, тогда, очевидно, сказались вліянія раннихъ дѣтскихъ впечатлѣній, и монастырская жизнь показалась заманчивой тихой пристанью.

М. Н. очень любила музыку, но не считала своихъ способностей настолько выдающимися, чтобы всецѣло посвятить себя этому занятію, да и одна музыка не могла удовлетворить ея душевныхъ запросовъ. Знакомство со свѣтскими дамами-благотворительницами показало ей всю отвратительную сторону этого времяпровождения. Ей оставалось жить, какъ живетъ, день за днемъ да нянчить внучатъ и быть только доброй бабушкой. Но вотъ именно на пассивную роль бабушки Марія Николаевна не считала себя пригодной. Въ ней еще слишкомъ сильны были интересы не своей личности, но своего духовнаго „я“. Она чувствовала, что ея жизнь еще не окончена, что умъ ея еще работаетъ, еще ищетъ, и она обратилась къ книгамъ для разрѣшенія основныхъ вопросовъ жизни. Религіозная съ дѣтства, она въ особенности заинтересовалась произведеніями нѣкоторыхъ духовныхъ писателей; чтеніе этихъ произведеній и привело ее постепенно къ монастырю.

Но не слѣдуетъ думать, чтобы Марія Николаевна, поступивъ въ монастырь, сдѣлалась суровой, угрюмой аскеткой, отрицающей все радости жизни. Нѣтъ, она осталась той же остроумной, живой и жизнерадостной женщиной, какой была и раньше. Подобно своему великому брату, съ которымъ до самой смерти ее соединяла нѣжная дружба, она все время интересовалась, любила видѣть вокругъ себя веселыя лица, слышать смѣхъ молодежи и сама доставляла большое удовольствіе окружающимъ своими разказами, всегда интересными и мастерски переданными.

Кому изъ современныхъ русскихъ читателей незнакомы прелестныя, благоухающія весенней красотой и поэзіей страницы „Дѣтства и Отрочества“?.. И кто не знаетъ милого облика „хохотуньи“ Любочки — сестры Николаевны Иртеньева? Этотъ милый образъ сливается въ нашемъ воображеніи съ образами нашего собственнаго далекаго дѣтства. И какъ часто приходила намъ мысль: „А что же случилось потомъ съ Любочкой? Какая она стала потомъ, уже за гранью дѣтства и отрочества?“

Старушка-монахиня, къ которой всю жизнь любовно тяготѣло сердце Льва Толстого, и къ которой онъ прежде всего поспѣшилъ послѣ того, какъ въ памятные августовскіе дни навсегда ушелъ изъ своего дома и отъ своей семьи, — эта монахиня Шамординской обители и была въ далекомъ дѣтствѣ и отрочествѣ веселой хохотуньей Любочкой. Это она послужила ея прототипомъ...

Съ Л. Н. Толстымъ ее соединяли самыя тѣсныя узы любви и дружбы. Шамординская отшельница нерѣдко пріѣзжала погостить въ Ясеную Поляну и постоянно поддерживала съ братомъ переписку.

М. Н. Толстую связывали съ братомъ одинаковое пониманіе жизни и одинаковыя воззрѣнія и симпатіи. Она болѣе, чѣмъ кто-либо изъ окружавшихъ Л. Н. Толстого людей, понимала его стремленія и сочувствовала имъ. И недаромъ Л. Н. Толстой во время своего предсмертнаго бѣгства изъ Ясной Поляны прежде всего подумалъ о своей любимой сестрѣ и пришелъ къ ней побесѣдовать по душѣ...

М. Н. Толстая скончалась 80 лѣтъ отъ роду отъ той же болѣзни, что и Л. Н. Толстой: она заболѣла воспаленіемъ легкихъ, которое быстро свело ее въ могилу. Она вообще послѣ кончины брата сразу осунулась, одряхлѣла, такъ поразила ее его смерть. Родственная душа какъ бы не захотѣла уже оставаться въ одиночествѣ и сама поспѣшила къ отшедшему...

П. Н. Дурново, статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта. (По поводу 50-лѣтія его государственной службы).
По фот. Л. С. Левицкаго.

Къ рисункамъ.

Текущій № „Нивы“ посвященъ послѣдней (XXXI) выставкѣ картинъ „Императорскаго Общества Русскихъ Акварелистовъ“.

Изъ нашихъ акварелистовъ С. Соломко давно уже пользуется извѣстностью, какъ тонкій и изящный акварелистъ. Появившаяся на описываемой выставкѣ акварель его работы „Медвѣдь“ отличается свойственной его кисти граціозностью и элегантною изящностью. Тонкая и красивая фигурка бабочки-эльфы, усѣвшася на спинѣ у удивленнаго и неуклюжаго медвѣдя, удивительно гармонируетъ съ темной фигурой звѣря, представляя прелестный контрастъ свѣтлаго и темнаго, легкаго и массивнаго, изящества и мощи...

По обыкновенію, очень много было на этой акварельной выставкѣ пейзажей. Очень многіе изъ этихъ пейзажей носятъ чисто географическій характеръ — на примѣръ, воспроизводимые у насъ „Бллая ночь на Невѣ“ К. Гефтлера, „Барка на Лаго Маджоре“ и „Во паркѣ Hôtel du Lac въ Ривѣ“ А. Бенуа, „Старая голубятня въ Нормандіи“ В. Зарубина, „Москва“ В. Овсянникова, „У подножья Кармелитской цитадели въ Бердичевѣ“ В. Фельдмана. Другіе пейзажи (на примѣръ, „Отливъ“ А. Чумакова и „Зимній вечеръ“ барона Г. Розена) представляютъ собою простые

виды природы, проникнутые соответствующимъ настроеніемъ...

Къ области жанра относятся акварели А. Степанова („Двушшка съ письмомъ“ — наивная и милая фигурка молоденькой деревенской дѣвушки, опускающей письмо въ ящикъ), В. Плотникова („Въ кельѣ“), Е. Зарудной-Кавосъ („Interieur“ — молоденькія барышни, играющія совместно на рояли и пианино) и прелестный деревенскій жанръ Ө. Сычкова „Лѣтомъ въ деревнѣ“. Алыя, цвѣтушіе маки и потонувшія въ яркихъ цвѣтахъ веселыя румяныя ребятишки. Отъ этой картины такъ и вѣетъ здоровьемъ, свѣжестью и прелестью яркаго и знойнаго деревенскаго лѣта...

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки подписной платы за „Ниву“ сего 1912 г., къ 1 апрѣля слѣдовало внести **не менѣе 4 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса во избѣжаніи остановки въ высылкѣ журнала съ 1 мая — **съ 18-го номера.** При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ №. печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ. При **перемѣнѣ адреса** слѣдуетъ прилагать **28 к.** почтов. марками и печатный адресъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Голуби. Семена Юшкевича. (Окончаніе). — Чей-то сонъ. Стихотвореніе Ивана Рукавишниковъ. — Сынъ Неба. Разказъ Д. Мединцева. (Окончаніе). — Русскіе трапперы въ Манчжуріи. Очеркъ Н. А. Байкова. (Окончаніе). — А. И. Герценъ. — Австро-венгерскій Императорскій Соборъ (Вопросы внутренней жизни). — А. Н. Будищевъ. — Анри Бриссонъ. — Инокія Марія — графиня

Р И С У Н К И: XXXI выставка картинъ „Императорскаго Общества Русскихъ Акварелистовъ“ (14 рисунковъ). — А. И. Герценъ. — А. Н. Будищевъ. — Анри Бриссонъ. — Инокія Марія — графиня Марія Николаевна Толстая, сестра Льва Николаевича Толстого, со своей племянницей и друзьями брата. — П. Н. Дурново.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда“ нн. 3.